

У Е Р Н О Е З Е Р К А О

ИРИНА
ФИНГЕРОВА

ПЛАЦЕБО

Ирина Фингерова

Плацебо

Серия «Черное зеркало»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34752758

Плацебо: Фолио; Харьков; 2018

ISBN 978-966-03-8118-6

Аннотация

Реалити-шоу «Место» – для тех, кто не может найти свое место. Именно туда попадает Лу́на после очередного увольнения из Офиса.

Десять участников, один общий знаменатель – навязчивое желание ковыряться в себе тупым ржавым гвоздем.

Экзальтированные ведущие колдуют над телевизионным зельем, то и дело подсыпая перцу в супчик из кровоточащих ран и жестоких провокаций. Безжалостная публика рукоплещет. Победитель получит главный приз, если сдаст финальный экзамен. Подробности никто не знает. Но самое непонятное – как выжить в мире, где каждая лужа становится кривым зеркалом и издевательски хохочет, отражая очередного ребенка, не отличившего на вкус карамель от стекла? Как выжить в мире, где нужно быть самым счастливым? Похоже, и этого никто не знает...

Содержание

Пролог	6
Часть первая, в которой некая Луна чувствует себя картофелиной	11
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	66
Глава 9	70
Глава 10	73
Часть вторая, в которой немые персонажи пытаются что-то сказать зрителям сквозь мутное звуконепроницаемое стекло	81
Серия № 1. Шоу «Место»	82
Знакомство с блистательными ведущими и перепуганными участниками	82
Серия № 2. Шоу «Место»	99
Парк аттракционов «Драйв», дальтонизм, фарфоровые куклы и многое другое!	99
Оставайтесь на нашем телеканале!	

Ирина Фингерова

Плацебо

© И. Л. Фингерова, 2018

© А. Ю. Егошина, иллюстрации, 2018

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Пролог

Письмо создателя

Изобретение «М90» стало революционным открытием в неврологии и психиатрии. Капсулы сметались с полок, пациенты, годами страдающие клинической депрессией, наконец получили шанс на нормальную жизнь.

Высокая селективность «М90», длительное действие, минимум побочных эффектов – вскоре моя разработка стала золотым стандартом в лечении депрессивных расстройств. Я был по-настоящему счастлив. Это может звучать пафосно, но я чувствовал, что не зря появился на свет белый. Впервые в жизни я понимал, что действительно сумел сделать что-то стоящее. Несмотря на критику, натиск со стороны фармкомпаний, католической церкви, в которую я ходил каждое воскресенье, и моей бабули, которая всегда говорила: «Для счастья нужны слезы», я знал, что когда-нибудь наступит день, и я исцелю весь мир. Мне казалось, что мне под силу вскрыть все гнойные нарывы на израненном теле нашей цивилизации. Господи, мне действительно так казалось. Я не пропускал ни одной научной конференции, публиковался где только мог и все равно был зажат на том, что процесс идет слишком медленно! Я упорно шел к цели, и популярность «М90» росла. Вскоре его мож-

но было приобрести без рецепта, люди стали экспериментировать. Препарат показал прекрасные результаты при реабилитации преступников. У здоровых людей улучшились когнитивные функции, увеличивалась производительность труда. Мое имя постоянно фигурировало в СМИ. И тогда я впервые задумался: а может, дело не в альтруизме, а в тщеславии? Вырезки из газет, все эти «молодой гений спасает мир» и «революционное открытие» были для меня куда важнее, чем письма благодарных пациентов. В какой-то момент я даже перестал их читать... Я был опьянен славой, передо мной маячили такие бескрайние горизонты...

Было принято решение о всеобщем и обязательном приеме «М90». Как звучит! Казалось, что общество вступило в новую золотую эру, казалось, что расцвет будет длиться вечно. Мы были молодыми и такими самонадеянными... Мы не учли изменчивости природы. Природа не терпит властолюбцев! Любая утопия несет в себе разрушение, так же как и жизнь несет в себе смерть.

Первые тревожные признаки начали проявляться через лет двадцать пять – для поддержания привычного уровня радости требовалась все ббльшая дозировка «М90». Ну ничего, никто на это и внимания не обратил. Мы все были обмануты отсутствием последствий, отравлены безнаказанностью своих удовольствий. Я увеличил дозировку «М90» в десятки раз по сравнению с изначальной. Я боялся признаться себе в том, что проиграл – проиграл в схватке с соб-

ственным эго. Нужно было остановиться, но я не мог. Мы все время выпускали новые препараты, а резистентность только усиливалась. Шло время. Появились дети, абсолютно невосприимчивые к препаратам, с каждым годом количество таких людей увеличивалось в геометрической прогрессии. Они разучились радоваться. Оказалось, что «M90» вызывает мутацию генов. Так появилось новое поколение, поколение А – ангедония, которое страдало от необратимого обеднения серотониновых рецепторов. Жизнь миллионов людей потеряла краски. Мир окунулся в хаос, хлынула волна суицидов и преступлений. Синдром отмены отприкошетил с невообразимой силой, я не смог выдержать этого удара. Я сбежал. Мир не рухнул без меня, вопреки моим опасениям. Или если быть совсем откровенным – оживлениям. Я все еще был отравлен тщеславием и винил людей в том, что у них не было чувства меры. Но эго не было и у меня. «M90» перестал работать, а я забыл, каково это – просто поливать цветы, готовить суп, говорить со старым приятелем о какой-нибудь ерунде... Я чувствовал себя серым, вылинявшим тряпьем. Я просто не мог... Помню, все время появлялись какие-то анонимные группы поддержки, люди старались не оставаться наедине с собой. Я боялся туда идти, но шел, потому что мне было совершенно некуда себя деть. Все приходило в норму слишком быстро и слишком медленно. Выходили новые законы, появлялись новые способы борьбы с ангедонией – болезнью

нашего времени. Так про нее говорили. В конце концов, пришли к тому, что единственным способом выжить оказалась сильнейшая постоянная адренергическая стимуляция организма. Были приняты экстренные меры: адреналиновые парки, изобретение радомеров, Министерство благоденствия, зимние и летние протоколы действий, постоянная бомбардировка рекламой... Именно реклама всех и спасла. В этой войне с собственными рецепторами победили маркетологи, ученые остались в прошлом. Счастливые лица на рекламных щитах, рейтинги радости, участие лидеров мнений в рекламе радомеров... Каким-то непостижимым образом буквально за несколько лет мир снова стал прежним. Радомеры становились все более универсальными, их выдавали прямо в роддоме вместо свидетельства о рождении. В конце концов, это было удобно, устройство содержало всю необходимую информацию. Естественный отбор нашего времени – количество очков на мерцающем экранчике радомера. Адаптивность как залог успеха. Упорство как залог удовлетворенности. Круглосуточные тренажеры, высокотехнические публичные дома, массовое производство биодобавок. Повсюду яркие цвета, сильные запахи, насыщенные вкусы... Льготы при поступлении в высшие учебные заведения на основании рейтинга радости, рекомендации на работу от Министерства благоденствия. Конкуренция. Внутривидовая конкуренция за место под солнцем, субстратом для которой является способность к самоубеждению. За-

ставил себя быть счастливым – становись Главным.

Чем больше радости – тем больше радости. Гедонизм – как лучшее лечение ангедонии. Парадоксально, но факт. Я потерялся в этом новом мире. Бабуля была права: «Для счастья нужны слезы». Я и не заметил, как это понял. Я и не заметил, как не понял всего, что творится вокруг. Наверное, так всегда происходит. Смотришь в одну точку – видишь голую стену, смотришь внимательно, сосредоточенно, а потом моргнул, буквально на секунду прикрыл глаза – а там уже дом построен. Почему-то все значимые изменения происходят незаметно. Я проморгал свою жизнь. Прошу вас, не повторите моих ошибок!

Часть первая, в которой некая Луна чувствует себя картофелиной

Глава 1

Глоток шипучки

– Луна! Представляешь, вчера подвела итоги недели, вышло – сто очков! – хвастается Нана и делает большой глоток шипучки. – А знаешь как? – снизив голос до шепота и хихикая, спрашивает девушка. – Купила новый «Вибро-3000»! О, это нечто! Мой постоянный партнер на днях предупредил меня, что он на этой неделе занят, его пригласил наш коллега – Пузатый, говорит, всегда было интересно попробовать толстяка. Ну, не так важно. В общем, я же месяц назад вошла в пятисотку самых радостных на этом сайте раскрученном...

– На позитиве N-ска? Я помню, у них там довольно хороший новостной портал.

– Точно, – обрадовалась Нана, – а результаты обновляются каждую неделю, нужно им прислать распечатку со своего приборчика. Так вот, я на днях ходила на аллею встреч, надела ту красную юбку с квадратами, гуляю, гуляю, вдруг замечаю, что двери сексодрома нараспашку, толпень, жизнь кипит. Конечно, мимо я не прошла. Там ярмарка была, в общем, накупила всего, в том числе новую игрушку! Результаты – сама видишь.

– Ой, а дорогой? – спросила Луна. – Тебе вообще зарплату дали в этом месяце? Мне пока нет.

– Дорогуший! – довольно протараторила Нана. – Да, зарплату дали, еще и подняли мне. Я как в пятисотку самых радостных попала, Главный позвал и все хвалил, хвалил... Премию начислил, сказал, что если в сотку войду, могу претендовать на место его зама.

– Ого, – поразилась Луна, – а мне, наоборот, сказал, что скоро сокращение. Хотя я ведь стараюсь, в целом, даже план перевыполнила.

– Так вот, – Нана снова направила разговор в интересное ее русло. – «Вибро-3000» отличается от всего, что я когда-либо чувствовала. Ей-богу, лучше, чем мой постоянный! Главное, ему не проговориться, а то их это самолюбие – хрупкая штука. Значит, слушай, выполнен из мягчайшей кожи, чувствительный сенсор, три режима, а самое главное – очень удобно, синхронизируется с моим радомером и пищит, если я не выполнила суточную норму радости.

Луна натянуто улыбнулась и взглянула на Нану, но увидела себя. Она отражалась в отполированных ногтях подруги, в глубине ее фиолетовых радужек. Нана сидела в кресле-яйце, обитом фольгой, со спинкой, похожей на высокий воротничок, пила свою шипучку, обхватывая красную трубочку зелеными губами. Нана любила контрасты и ненавидела быть голой. Без волос, ногтей, накладных ресниц, колец на фалангах больших пальцев, накладных усов, оранжевых комбинезонов, стрижей на платьях и замысловатых цитат, она была невыносимо тусклой, поэтому Нана не оставляла времени на отдых. Она работала, спала и ходила к косметологу. Отдых – роскошь для тех, кто не боится одиночества, а одиночество не обманешь, оно знает твой настоящий цвет.

Луна смотрела на Нану и видела себя. Она была голой, сжавшейся картофелиной, с которой сдирали кожу на благо счастливого общества, но все никак не решались употребить в пищу. Тонкие светлые волосы, мутно-зеленые глаза, иногда – серые, острые скулы, подбородок сердечком. Торчащие ключицы, две родинки на левой щеке. Синие вены на запястьях в плену старенького радомера. Кожа на руках сухая, потрескавшаяся, ногти коротко обстрижены. Луну не спасали атрибуты. Луну не спасали цвета. Может, ее спасло бы повышение на работе, которая ей никогда не нравилась?

– Эй, ну ты чего, – попыталась подбодрить Луну подруга, – взгляд стеклянный совсем. Ну, хочешь, не будем про игрушки. Я в курсе: ты любишь все натуральное. Вон, мульт-

тисмузи не пьешь, компотики всякие хлещешь. Но ты бы попробовала, что ли?.. Или ты из-за денег? Ну, хочешь, одолжу? Ты себе поновой радомер возьмешь – может, в рейтинге продвинешься...

– Нана, – осторожно начала Луна, – я вот иногда думаю, может, я бракованная какая-то? Я же стараюсь, ты знаешь. На прошлой неделе пошла в парк аттракционов... Меня тошнит от этих горок, но я все равно пытаюсь. Кроме того, – Луна смутилась, вспомнив о растянувшемся на квартал двухэтажном здании в форме красных плотно сомкнутых губ. Она встретилась у входа со старым приятелем, его все называли Дорблю. Он взял такой псевдоним по двум причинам: в честь любимого сыра и из-за множественных синеватых пятен на лбу и щеках. Когда-то они ходили вместе на митинги в защиту моногамии. Луне потребовалось несколько секунд, чтоб вспомнить, кто он, уголок губы дернулся в попытке приветливо улыбнуться, но слишком стремительно вернулся в свое прежнее положение. Дорблю сдержанно кивнул, и они оба молча уставились в незнакомые затылки, из которых состояла длинная очередь в Отель Поцелуев. – Все ходила вокруг да около и решила, заглянула в Отель Поцелуев, думала, как-то пойдет дело. Но – такое... Все как-то механически было, я на экранчик смотреть боялась, до вечера тянула, все-таки надеялась, что хоть немного очков прибавится, а в итоге радости – как у Гели Туко в последней серии шоу «Место».

– Это кто? – спросила Нана, ковыряясь длинным шеллаковым ногтем в крайнем зубе.

– Ну, как кто? Финалист третьего сезона. Ты еще за него болела сильно, помнишь? Борода у него еще, глаза синие-синие...

– А, это тот с рукавами забитыми? И вроде еще между лопаток у него было вытатуировано « $e = mc^2$ »?

– Ничего себе! – поразилась Луна. – Имени не помнишь, а такие подробности всплывают. Помнишь, что с ним стало? Иногда чувствую себя так же – совершенно разбитой. Как он говорил? «Я – булавка, которую воткнули в камень...»

– Какая булавка? Какой камень? Луна, ну что ж ты так любишь все усложнять? Жизнь – проста, забыла? – В качестве доказательства Нана продемонстрировала свое запястье. Черные аккуратные буквы, выжженные на бледной коже: «*Carpe diem*», ввинчивались в голову Луны как маленькие буравчики. Дрррр-дрррр-дрррр.

– Ты права, – пробормотала Луна, – ты всегда права. А насчет денег... Да, одолжи, если не передумала.

Глава 2

Я маленькая кукурузка

Жила была девочка Луна, она пробыла в утробе матери на две недели меньше положенного и выбралась на свет белый с помощью железных щипцов, прорвав отчаянным криком установившуюся на мгновение тишину.

Сюзан, женщина с разрезанной промежностью и очаровательной улыбкой, прижала ее к груди так крепко, как только могла, и обменялась с ней своей микрофлорой. Психологи считают этот момент крайне важным во взаимоотношениях мать – ребенок, а Луна просто любила мамину грудь, потому что она была белая, мягкая, и из нее лилась живая водица, лекарство от всех болезней! Много позже Луна даже

завидовала маме и ее волшебной груди.

Жила была девочка Луна, и у нее было родимое пятно на левой лопатке в форме лопаты, что определенно значило: когда-нибудь она найдет настоящий клад, ведь лопаты не появляются на маленьких девочках просто так.

У Луны был отец по имени Вильгельм, большой и сильный, родом из страны скал. Он с детства зачаровывал дочь историями о волшебной красоте фьордов и тихонько напевал ей на ухо: «...души уходят в Вальхаллу». Вильгельм рассказывал и рассказывал, а девочка Луна устремлялась вслед за своей фантазией в подземный мир, покрытый сочным мхом и прахом нетленных сказаний. В мир, где великаны вымерли, потому что были слишком большими и слишком вежливыми: когда они выросли настолько, что край мира стал упираться в их ступни, они все вместе спрыгнули с края мира в неизвестность, чтоб не наступать друг другу на ноги.

Девочка Луна никогда не рассказывала своей матери о том, почему великаны вымерли на самом деле, она не доверяла ей после того, как мать однажды сбежала от них с отцом. Мать Луны вообще любила бегать, ее белые пятки мелькали то тут, то там, ей было интересно абсолютно все. Обычно она бегала одна, но однажды она откопала археолога и начала бегать с ним вместе, что совершенно не нравилось ни Луне, ни Вильгельму, ни великанам, но нравилось Сюзан, ее матери, которая танцевала-танцевала на зыбучих песках своей ускользящей молодости. В ней было столько

неподражаемого желания жить! Жизнь таилась в неугомонной синей жилке на дряблой шее, в веснушчатых плечах, поющих оду солнцу, в лучистых морщинках вокруг глаз. Луна была поздним ребенком. Вильгельм восхищался своей женой, но для этого ему приходилось соблюдать определенные ритуалы: вставать с рассветом, пить крепкий зеленый чай по утрам, делать фигурки коров из красного дерева и мастерить для них траву из зеленой проволоки. Вильгельм делал зарядку, чистил зубы не меньше четырех минут и усердно совал свои эмоции в мясорубку самоанализа, съедая их преобразившимися и кроткими.

Семью Луны можно было бы назвать по-настоящему счастливой. Случайный фотограф, прицелившийся из своего зеркального хронометра в их окно, мог бы сделать отличный снимок, послать его на традиционный конкурс «Самая счастливая семья» и выиграть, скажем, абонемент на круглогодичное посещение бассейна для пар с детьми. Загвоздка подобных конкурсов фотографии заключалась в том, что призы подразумевали: фотографы и являются членами «счастливых семейств» и могут запечатлеть собственную жизнь. Иногда так и было. В таком случае от фотографий разило старательной искренностью и настолько гармоничной экспозицией, что это вызывало дисгармонию у судей. Ведь они тоже непременно были «людьми семейными» и волей-неволей включались в конкуренцию. Или был второй вариант: фотографы-одиночки охотились за моментами, воро-

вали их у сонных, утренних, очень живых жертв. И тогда фотографии могли получиться по-настоящему чудесными, но у фотографов не было никакой мотивации, потому что спустя несколько этапов фотогонки им доставалось «10 часов совместного занятия сальсой для постоянных партнеров с детьми» или «Уроки оригами для самых маленьких».

Вильгелем чувствовал себя картинкой, висящей на замызганной стене в бургерной рядом с огнетушителем. Он знал точно, что это за картинка: светит солнце, он, в плавках, с расправленными плечами, обнимает Сьюзан, свою огненную фею, правой рукой, а она хлещет грушевый сидр и хохочет. Маленькая Луна сидит у него на плечах, и левой рукой он придерживает ее, чтоб она не свалилась. Радомеров на них нету, взгляду не за что зацепиться, небо и море сливаются, не находя никакой преграды. Вот это было бы здорово! И отчасти так и есть. Если раскатать привычную горечь на языке, заесть безвкусной кашей, подсластить ежевичным вареньем или старым воспоминанием и проглотить... Проглотить и отправиться туда, где небо и море сливаются, не находя никакой преграды, и купить сидра, и сделать фото...

Мозаичная реальность ничем не хуже монолитной. Иногда он счастлив. Кому нужны твердые фасады, если рыжие феи не могут обойтись без зыбучих песков. Ничего, ничего, главное, что это ее радует... И что это, если не эгоизм, собственноручно выдавливая жизнелюбие из появляющихся морщинок на ее лице. А потом оправдывает эту тиранию

своими костными устаревшими взглядами или иррациональными эмоциями. Нет, он не имеет права... Никто никому не принадлежит. Из-за постоянного нытья его давно попросили с работы, теперь Сюзан старательно крутит педали своего эмоционального велосипеда, чтоб Луна могла пойти на выпускной в красивом платье. Нет, он не имеет никакого права...

Вильгельм чувствовал, что он просто картинка. Фотокарточка. Обманутый фотограф, которому удалось ухватить ускользающее мгновение за хвост, а оно оказалось вертким, склизким, уродливым вблизи. Что в этом второсортном фотоконкурсе он пересохшими от жажды губами стремится к капле оригинальности, но при этом понимает, что водицей сыт не будешь, нужно мясо, а мясо – это клише. Но от мяса тошнит. И рвота не приносит облегчения. Ничто не приносит облегчения.

Вот как чувствовал себя Вильгельм.

Но жизнь шла своим чередом.

А девочка Луна пела себе песенки про маленькую кукурузку, у которой не было друзей.

Маленькая кукурузка – без друзей.

Маленькая кукурузка – такая маленькая,

Потому что она – кукурузка без друзей.

Когда нет друзей – все кукурузки маленькие,

А когда есть – большие.

Я – маленькая кукурузка.

Вот такая это была песенка.

Глава 3

Хвалебный диалог

Проснулась Луна уставшей. У прикроватной тумбочки ее дожидался новенький радомер-мега. Выглядел он как крохотный автоматический тонометр. Потягиваясь, девушка поплелась на кухню, по дороге в сотый раз ударившись мизинцем о дверной косяк. Залила кипятком бананово-шоколадный порошок, разбавила холодной водой и выпила залпом. Вспомнилась реклама: «Банан и шоколад – эндорфинов град!» Ха-ха, она одурачит их всех: радомер отметит, что Луна проснулась в прекрасном расположении духа! Затем она съест гематогенный питательный батончик, сделает утреннюю зарядку, и радомер щедро прибавит еще несколь-

ко очков. Она не может снова потерять работу. Ситуация повторяется из года в год. Луна выполняет конкурсное задание, ее берут в Офис, она старается изо всех сил, а потом БАЦ! – увольняют! Аргументируют тем, что она – деструктивный элемент в коллективе. На прошлой работе четверо сотрудников написали на нее жалобы. Слишком угрюмая, слишком молчаливая, не поддержала разговор о терьерах. На сей раз Луна намерена получить повышение! С этого понедельника она начинает новую жизнь. Тем более такой удачный повод: сегодня – Общий день.

Луна выходит из дома и недовольно морщится – солнце целится прямо в лоб, дыхание улицы горячее, сухое, как у лихорадящего больного. Она старается идти по теневой стороне, вблизи маленьких летних кафешек, оснащенных системой туманообразования. Около одной из них Луна останавливается и подставляет лицо и шею мелким каплям. Пожилая пара, сидящая за столиком напротив, улыбается происходящему. Мужчина салютует, сняв зеленую шляпу, и его лысая голова блестит на солнце, а женщина обмахивается страусиным веером. Они пьют холодный кофе и молчат, изредка кивая друг другу. Луна тоже кивает им, она участвует в безмолвном диалоге еще несколько восхитительно-прохладных секунд и идет дальше. Становится чуть легче, но ненадолго. Лоб морщится снова, Луна вздыхает, тут же предупредительно пищит радомер, и девушка одергивает себя.

«Солнце греет, погода изумительная, я молода и прекрас-

на, на мне – красивая ярко-оранжевая туника, я – живая», – прокручивает у себя в голове последние рекомендации Министерства позитивной психологии Луна.

«Я сама как солнце, – думает она, – у меня все получится, денек погожий выдался, я влюблена в жизнь...»

Кажется, это работает. Спустя семнадцать повторений Луна чувствует, что дышать становится чуть легче. Напряжение спадает. Дует легкий ветерок. Действительно, все не так уж плохо. Сегодня – важный день, но это же здорово! Она сможет проявить себя сегодня, а не через месяц!

От этой мысли Луна снова чувствует, как что-то в животе сжимается.

«Я – лучше всех, я – самая умная и красивая в Офисе, я покажу им!» – думает Луна.

«Господи, что за чушь!» – перебивает она саму себя и тут же испуганно глядит на радомер: не прочел ли он ее мысли, не убавил ли очков. Нет, ему все равно, на экране по-прежнему вымученное утреннее 1 очко, кажется, ее увещевания не подействовали. А ведь ей нужно набирать хотя бы 15 очков в день.

Когда Луна поднялась на второй этаж и вошла в актальный зал, их Главный – Лилиум – уже был там. Луна замерла в нерешительности. Она знала, как нужно поздороваться, но немного стеснялась.

«Человек безграничен, раскрой в себе женское начало!» –

вспомнилось из вчерашней лекции, под которую она и заснула. Эх! Была не была...

Луна быстрым шагом пересекла зал и подошла к начальнику со спины.

– Лилиум, ты сегодня отлично выглядишь! – бойко выпалила она и легонько стукнула мужчину по плечу.

– Доброе утро, Луна. У тебя потрясающие глаза.

Луна обрадовалась, прежде она никогда не вела с Лилиумом Хвалебный диалог, а ведь это так важно для хороших рабочих взаимоотношений.

– А твой голос... Такой глубокий, низкий... Завораживает, – ответила Луна не без труда и поразилась собственной наглости.

На секунду ей показалось, что Лилиум раскроет ее, скажет: «У меня противный писклявый голос вообще-то, врунья!» Но нет, он проглотил эту очевидную небылицу как чистую правду.

– А ты... – Лилиум выдержал паузу и окинул Луну долгим взглядом, не пропустил несколько прядей, выбившихся из светлого, собранного на макушке пучка, россыпь веснушек на бледных щеках, едва заметный шрам на тонкой переносице, две коричневые точки в серо-зеленой радужке ее левого глаза, острые ключицы, отсутствие лифчика под туникой, маленькие руки, на большом пальце правой – кольцо с осьминогом. – У тебя восхитительная кожа, хочется дотронуться до нее...

– Спасибо! – смутилась Луна – кожу ее никто еще не хвалил. Приятно все-таки!

Лилиум медленно протянул руку и провел тыльной стороной ладони по ее щеке, девушка подалась навстречу.

– А у тебя... – Луна обратила внимание, что сегодня на Лилиуме ярко-фиолетовый брючный костюм, желтый галстук и желтые ботинки. Удивительно, но сегодняшнее сочетание цветов одежды и ярко-зеленых волос Лилиума делали его как будто чуть выше. Луне даже показалось, что если она снимет обувь – они будут одного роста. – У тебя сегодня такой яркий прикид, что на душе сразу становится радостно!

– Ух, как! – зарделся Лилиум. – Если позволишь, последнее слово за мной. Мне нравится, как непосредственно торчат твои соски.

– Эм... – Луна смутилась по-настоящему. – Спасибо.

– Данной мне властью запрещаю тебе носить лифчики! – расхохотался Лилиум и торжественно произнес: – А теперь – искренние объятия?

Он нажал какую-то кнопку на своем ультрамодном радомере (на такой Луне еще долго денег не хватит) и, не дожидаясь ответа девушки, крепко ее обнял. Объятия продолжались полторы минуты, затем радомер пикнул, окситоцин выделился, очки получены. Можно расходиться.

Луна села в последнем ряду, вскоре к ней присоединилась Нана, которой она заняла место рядом. От нечего делать Луна принялась считать присутствующих. Несколько раз она

сбивалась, потому что пестрые макушки то и дело сливались в одно аляповатое пятно. По приблизительным расчетам, в зале сидело около шестидесяти человек, многих из которых Луна видела впервые!

«Стажеров понабирали, сокращение, называется...» – подумала девушка, вспомнив недавние угрозы Лилиума.

Звук дождя наполнил комнату.

Собрание началось.

– Уважаемые любимые коллеги, – начал Лилиум, – я рад, что сегодня мы все собрались в этом прекрасном зале, чтоб отметить Общий день. За последний месяц мы достигли успеха в общем и каждый в отдельности. Наша компания запустила 50 проектов, а это на 10 процентов больше, чем в прошлом месяце, некоторые из них оказались более удачными, некоторые – менее, но место лидера на рынке проектного менеджмента все равно осталось за нами. Я хотел бы попросить вас разделиться на две красивенькие группки! Рассчитаться на «первый» и «второй», мои любимые! – Лилиум подождал, пока свершатся пертурбации. – Я придумал кое-что новенькое, – пояснил он. – Первая группа – вы поете первый куплет, а вторая – второй! А припев поем все вместе. Пожалуйста, помните о том, что вы поете от счастья, а не для счастья!

Лилиум вышел на середину зала, забрался на высокий стул и, подобно искусному дирижеру, отточенным движением указал на «первых», призывая их открыть концертную

программу.

Лилиум одобрительно улыбнулся, взмахнул двумя руками, задержал их в воздухе, и «первые» стали упоительно петь.

– Ах, чудно, – пробормотал себе под нос Лилиум и добавил уже громче и куда кокетливей: – Теперь – припев! – Он послал своей помощнице, сидящей в первом ряду, воздушный поцелуй.

Кивнул «вторым». Послышалось громкое восторженное: «Ура! Ура! Ура!»

Луна были среди «вторых». Она всегда чувствовала себя немного неуютно во время Гимна и то и дело поглядывала на других, пытаясь скопировать их поведение. Все-таки научиться можно всему, если захотеть, – даже радости.

Луна посмотрела на свой радомер: полтора очка, видимо, искренние объятия зачлись. Украдкой, чтоб Нана не увидела, взглянула на экран ее аппаратака – 5 очков! И это с самого утра!

Глава 4

Макаронный мир

Жила была девочка Луна, и у нее был друг по имени Рик.

Луна и Рик вместе плыли на худой лодчонке по затхлому болоту школьной жизни, топая нога в ногу по натертому воском паркету и улыбаясь своим мыслям. Они оба не любили уроки по раскомплексовыванию и ухитрялись имитировать оргазм на десятиминутках релаксации, в то время как все остальные старались изо всех сил отхватить чуток чистого удовольствия. Они наслаждались своей ангедонией.

Им было здорово вместе молчать. И молчание это, в отличие от всего последующего молчания, которое им довелось узнать, было несколько не тягостным.

Они никогда не ходили на социоадаптацию, и их не приглашали на вечеринки самопознания. Но им и без этого интересно и весело жилось.

Рик скупал пачками макароны и создавал из них свой собственный уникальный мир. Этот макаронный мир казался Луне печальным, ведь там не было людей, а значит, и ей не нашлось бы там места. В этом мире правила «псевдоанархия», как говорил Рик. Он любил ко всему добавлять это «псевдо», и не зря: он сразу казался куда умней. Иерархия в этом мире была, а вот иерархической лестницы не было, вернее не было ступенек, были жители (скажем, долина) и Рик (скажем, единственная гора). Даровав своим жителям благодать и счастье, взвалив всю ответственность на свои худенькие плечи, Рик чувствовал себя благородным и величественным.

Он долго думал, как же создать идеальный мир, чтоб все его жители были счастливы в одинаковой степени, и однажды он понял – там просто не должно быть людей.

Луна же совсем не считала так, потому что, несмотря на то, что люди ей попадались не всегда хорошие, относилась она к ним в целом положительно и не желала их абсолютно-го исчезновения. В мире Рика жили макаронные черви, они трудились, влюблялись и были абсолютно свободны в своем естественном абсолютном подчинении лишь одной несвободе.

Луна приходила к Рикку после занятий и искала апельси-

ны. Апельсины в доме у Рика всегда оказывались именно в тех местах, в которых тебе ни за что не придет в голову их искать, это было для Луны приключением. «Луна и поиск апельсинов» – так она называла эту ежедневную поисковую операцию.

Когда апельсины были найдены, Луна разрезала их пополам тупым зеленым ножом, который обычно лежал на холодильнике. Надевала половинку апельсина на голодную крутящуюся насадку и выжимала все до последней капли. Наливала сок в бутылочку Рика – он пил только из нее – и тихонько ставила на стол, наблюдая за тем, как Рик самозабвенно улучшает свой мир.

Одна из стен его комнаты представляла собой карту местностей мира макаронных червей.

– Вот здесь у них – северный полюс, а здесь южный! – говорил Рик.

– А что здесь, помнишь? – спрашивал он, показывая на середину стены, – она была наиболее густо заполнена макаронными червями.

– Ммм... Трущобы анков? – Луна хмурилась и выдавала ответ.

– Ух ты! Запомнила! – радовался Рик. – А помнишь, кто такие анки?

Луна не помнила, но приносила Рику сок, и поэтому он не обижался, а рассказывал снова и снова об анках – первых макаронных воинах-скотоводах, которые заселили Средин-

ный район после Битвы на реке Пири-Пири.

Глава 5

Будем куролесить

Луна могла собой гордиться. Она на верном пути. Согласилась на предложение Наны отпраздновать Общий день, тем более, сегодня всех раньше отпускают. Сфоткала свою довольную физиономию и кусок вишневого пирога, которым угостила в честь праздника Лили – ее соседка по кабинету, быстренько выложила фото в Смайл. Если кому понравится – может, и отправят несколько сотых на ее радомер: новый номер Луна предусмотрительно указала в аккаунте.

– Сегодня превосходный день! – вдруг начала разговор Лили. – Я давно не была так счастлива. Лето на носу! А вечером на стерилизацию еду! Я так долго очереди ждала – на-

верное, месяцев семь.

– Поздравляю, – не отрываясь от отчета, максимально сердечно попыталась произнести Луна.

– Да уж, дождалась, даже не верится...

– А клетки сдала куда надо, или черт с ними? – поинтересовалась Луна, продолжая водить пальцем по строчке и что-то бормотать под нос.

– Ну, я отнесла в банк, но не знаю... Все-таки, несмотря на все эти уроки по социологии, психологии, у нас полно стереотипов и ярлыков. Откуда они берутся? Генетическая память, что ли, о прошлых поколениях, которые усложняли себе жизнь? Как-то коробит при мысли о том, что их просто сольют в унитаз, но это тупо, земля давно переполнена, куда еще? Не знаю я, короче...

– А из пансионата никогда не думала взять? – оживившись, спросила Луна, отложив в сторону покусанный карандаш.

– То есть реализуешь потребность родительскую, но при этом численность населения не меняется... – объяснила она, столкнувшись с удивленным взглядом Лили.

– Потребность? – перебила Луну собеседница и презрительно выплюнула: – А у кого в наше время такая потребность есть? Чего ради? Мне есть чем заняться, кроме детских порошков и успокоительных!

– Ну, знаешь, – попыталась объяснить Луна, – передать свой опыт, продолжиться в другом человеке, заботиться о

КОМ-ТО...

– Я забочусь о механической канарейке, у меня есть клумба в экопарке и, если ты не забыла, у нас уже есть дети. Кстати, сегодня к ним заглянем, да? На часик буквально, я жутко соскучилась, плюс мне новые шорты нужны.

– Точно, – хлопнула себя по лбу Луна, – это хорошая идея, да, давай пойдем. А потом...

Она остановилась. Задумалась: хочется ли ей провести вечер в компании Лили? Честно говоря, не слишком. Но она ведь решила начать новую жизнь! Это старая Луна избегала общества малознакомых и неинтересных ей людей, а новая Луна...

– Мы думаем с Наной отметить Общий день. Хочешь до стерилизации с нами стаканчик пропустить? – предложила девушка.

– Ну, посмотрим... – немного удивленно ответила Лили, – раньше за ней такой инициативы не водилось. – В принципе, да, хотела бы.

Луна исправила отчет, свернула его в трубочку и засунула в тубус. На тубусе написала карандашом для губ: «#отчет на раз, люблю я вас».

Раньше Луна старалась не обращать на себя внимание лишний раз и уж тем более не шутила с цифрами, но сегодня, во время Хвалебного диалога, она почувствовала, что Лилиум явно одобряет ее поведение, и решила ковать желе-

зо, пока горячо. Сфотографировала, не забыв улыбнуться, и выставила в Смайл. Даже если никому не понравится – чем больше фото она выложит, тем больше людей отметится, и она сможет посмотреть их страницы и сама отметить там. Придирчиво осмотрела результат своей работы – выглядит стильно. Как раз для квартального отчета. Нажала на зеленую кнопку, скормила тубус всеядному жерлу пневмопочты. Можно спокойно разобраться с хвостами за прошедший месяц.

– Ты что, уже все отправила? – поразилась Лили. – А я вот вожусь, все в толк не возьму, как тут...

Луна вздохнула, сразу уловив намек, придвинула свой стул поближе, погрузилась в работу вместе с Лили. Очнулась спустя целую вечность от комбинации звуков настойчиво урчащего живота и голоса Наны:

– Рабочий день окончен! Нечего засиживаться!

Это было вовремя – Луна порядком устала, а Лили уже начала выводить ее из себя тотальным непониманием собственных дел.

– Давайте перекусим внизу, у автоматов, потому что еще к детям идти. А после уже будем куролесить! – предложила Луна.

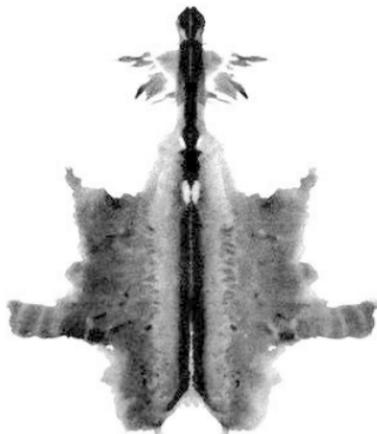
Нана захохотала:

– «Будем куролесить» звучит как план, а план и куролесить – штуки несовместимые! – назидательно произнесла она, отсмеявшись.

Подкрепившись злаковым коктейлем и ореховым печеньем, девушки отправились в «Детский рай».

Глава 6

Всем нужна тайна

Девочка Луна любила гулять по вечерам и любоваться умирающими лампочками фонарей. Незадолго до своей смерти они обладали особенной потусторонней красотой: они моргали, и Луна могла с легкостью представить себе живущих внутри светлячков.

Сюзан любила медитировать и всякий раз, проходя мимо ее комнаты перед сном, можно было услышать, как она гортанно играет продолжительным «оммммммм» на своих губах. Иногда она ложилась на пол поперек большой комнаты и громко быстро дышала. В такие моменты с ней проис-

ходили странные вещи – ее ломало, как картинку в телевизоре, искаженную колебаниями антенны.

Отец как-то объяснил Луне, что Сьюзан так часто дышит, чтоб нарушить соотношение кислорода и углекислого газа. Так она расширяла сознание, чтоб туда поместилось ее любопытство – горячее для эмоционального велика.

Вильгельм любил скамейки со спинками больше всего на свете. А еще любил сладкий свежий запах лета, пряный имбирный чай и мозоли на натруженных руках. А еще он любил Сьюзан, а еще больше – идею своей любви к Сьюзан и совсем не любил свою любовь к Марчеле.

Марчела была подругой Вильгельма и тоже любила пряный имбирный чай, а еще длинные разговоры за полночь.

Марчела была какой-то очень темной. У нее были темные волосы, такие темные глаза, что зрачок поглощал радужку, жилистые запястья с коротко обстриженными ногтями и одежда непримечательных цветов. Она выглядела уверенной и донельзя гармоничной, ходила с прямой спиной, голос у нее был тихий, низкий, и она невольно внушала уважение.

Появилась Марчела так давно, что Луна и не помнила когда. Помнила только, что она все время приносила барбарисовые конфеты, и Луна их прятала под подушку. А Сьюзан все время выносила подушки из дома, чтоб жесткая земля, на которой они неустанно плясали с очередным археологом, казалась чуть мягче. И тогда Луна ела конфеты и спала на

свернутом полотенце.

Луна немножко лепила из глины, а как-то даже сделала башмачки из каштана своей кукле. Она очень хотела быть талантливой в чем-то, чтоб можно было полупонамеками упоминать о своей особенности.

Смущаться немного.

И обещать показать свои работы при случае. Ей нужна была тайна.

– Тайна – истинный секрет женской красоты.

Так сказала ей однажды Марчела, а отец подтвердил, достал из внутреннего кармана своего пиджака колоду карт и попросил Луну сдвинуть половину колоды левой рукой, а затем молча выбрать карту и сдвинуть колоду обратно. При этом девочка должна была внимательно наблюдать за отцом. Вил перетасовал карты и внезапно извлек из-за уха Луны ту самую десятку червей, которую она выбрала. Луна засмеялась от восторга и поняла: отец действительно был потрясающе красив в тот момент, когда она не смогла разгадать его секрет.

Вильгельм всегда хотел быть гипнотизером или фокусником, с тех самых пор в далеком детстве, как понял, что волшебником ему не стать. В школе гипнотизировал одноклассников и вертел у них перед носом самодельным амулетом на длинной веревке, к которой был прикреплен его молочный зуб.

Однажды у него умерла рыбка, и Вил никак не мог ре-

шиться слить маленького Джеральдиссимо Седьмого в унитаз. Дождавшись, пока все заснут, в одних пижамных штанах он пробрался на озеро и отправил Джеральдиссимо Седьмого в рыбий рай. Джеральдиссимо Седьмой безвольно плыл по течению, и буйные волны несли его в святую обитель, а Вил думал, что там уж будет сколько угодно корма и других рыбок, с которыми можно будет дружить.

– Будь осторожен, Джеральдиссимо! – кричал Вил.

– Смотри не задирайся с большими рыбами! – кричал он.

Глава 7

«Детский рай» и взрослый «круп»

Луна чувствовала себя извращенкой. Радомер почти не набрал очков за весь день, но по мере приближения к «Детскому раю» стрелка начала подрагивать и нехотя, но упрямо сдвинулась со своего места. 3,5 очка. И дело было в не новых шортах, она и вправду была рада видеть детей, хотя что-то менее радостное и вообразить сложно.

Луна остановилась у входа. Снова поменяли дизайн. Теперь ярко-малиновые буквы моргали неоновым светом: «Детский рай», а на стенах плясали сиреневые слоники, рожденные большим проектором. Из динамиков на деревьях доносилась задорная песенка: «Мы умрем, мы умрем, но пока

что мы живем!»

Девушки зашли внутрь, поздоровались со Стультой – медсестрой, взяли бахилы и одноразовые костюмы в шкафчике у входа. Стульта протянула им анкеты, связку ручек и лучезарно улыбнулась.

– В гематологию группа пришла раньше, так что вы, девчонки, сегодня у «солнышек».

– Ура! – в один голос закричали и захлопали в ладоши Нана и Лили, Луна тоже сказала «ура», но чуть тише, и в ладоши захлопала, но запоздало.

«Солнышек» Луна любила, они и вправду были солнечными, и она не чувствовала к ним жалости, скорее наоборот, завидовала немного. Луна вообще склонна была завидовать другим, иногда ей хотелось быть беззаботным деревом – растешь себе, цветешь и при этом очищаешь воздух, даже не напрягаясь! Или пирожному – у него была недолгая жизнь, но зато какая! Все его любят, а оно взамен дарит углеводную радость. «Солнышки» полезными не были, но зато были мудрыми. Так сразу и не скажешь, но Луна знала, что им известно что-то очень важное, суть вещей.

– Какой план? – оторвала Луну от размышлений Нана, когда они уже приблизились к игровой комнате.

– Ну, делим их на три группы или все вместе?

– Вместе, конечно! – отмахнулась Лили. – Так всегда веселей.

– Я бы поделила их по группам, ну посмотрим, как пой-

дет, – неуверенно вставила Луна.

Девушки зашли внутрь.

Посреди комнаты стояла Кет с большой желтой крякалкой во рту. 16 «солнышек» лежали на разноцветных матах и смотрели мультик про друзей-медвежат на потолке.

– Кря-кря! – крякала Кет и топала ногами, в ответ на это дети заливались хохотом и менялись местами друг с другом.

Кет заметила гостей, помахала им рукой и, сделав вдох поглубже, приветственно прокрякала восемь раз подряд!

– Девчонки! – обрадовалась воспитательница. – Рада видеть! Вы вовремя, пойду пока в спортзал, страсть как хочется пресс покачать! А то норму по радости не выполню. Ну, пока, «солнышки», – сказала Кет, послала серию воздушных поцелуев в разные стороны и быстренько скрылась за дверь.

– Смотрите, кто пришел! – взяла инициативу в свои руки Нана. – Ваши друзья!

– Мы вас очень любим! – продолжила Лили.

– Ну что, будем веселиться? – спросила Луна и направилась к музыкальной шкатулке. Поменяла энергичный режим на релаксирующий. Послышались звуки флейты.

Дети подбежали к девушкам, повалили Луну на мягкий мат и начали щекотать, Нану схватили за руки и закружили по комнате, девочка с тремя торчащими во все стороны хвостиками обхватила Лили за ноги. Она целовала ее длинную шелковую юбку, ее большой язык не помещался во рту и она

оставляла на ней мокрую дорожку.

– Друзья, – повторяли они, – друзья наши пришли!

– Давайте встанем в кружочек, – предложила Нана, когда все наконец немного успокоились, – и все будем повторять за Луной.

– Ура! Ура! – слышалось с разных сторон.

Луна встала в центре круга и огласила:

– Просто повторяйте за мной!

– Я – прекрасное создание! – начала Луна и подняла правую руку вверх, затем опустила и подняла левую. Дети повторили.

– Я – сегодня хорошо пообедаю! – сказала Луна и топнула правой ногой, а потом левой.

– Я – очень быстро и крепко засну! – сказала Луна и упала на мягкий мат, которыми был устлан пол в игровой комнате.

Потом Луну сменили подруги, дети прекрасно справлялись, игра им явно пришлась по душе.

– По программе нужно обязательно моральную подготовку, – шепнула Нана, почему-то у Луны получалось лучше всех, хоть она это дело и не любила.

– А теперь, мои милые, мы поиграем в очень-очень важную игру! Игра называется Побег! Луна будет страшной-страшной старухой Смертью, а вам нужно от нее убежать! – просюсюкала Нана.

– Ну-ка! Раз-два-три!

Луна начала гоняться за «солнышками» по всей комнате,

они визжали, смеялись, толкались, падали и ни за что не хотели ей попасться! Так ведь неинтересно. Первым Луна словила «солнышко» А. – это был щуплый низкорослый мальчик, 8 лет от роду, рыжий, веснушчатый, голубоглазый, разрезом глаз да и чертами лица похожий на других «солнышек», но и не похожий – было в нем что-то собственное, что-то благородное. Так Луне показалось.

– Что теперь? – спросил он и посмотрел на нее.

– Теперь вот что! – зловеще произнесла Луна и крепко обняла «солнышко» А., а потом вручила ему большой оранжевый леденец-зайчик. Подобная участь ждала всех беглецов.

– Понравилась вам игра со Смертью? – спросила Нана.

– Понравилась.

– А конфетки, которые Смерть вам подарила? Вкусные?

– Еще не пробовал! – сказал «солнышко» К. и развернул леденец. – Вкусно!

– Видите, – назидательно произнесла Лили, – бегать от Смерти очень весело, но когда она приходит – оказывается, что она добрая и дарит вкусные леденцы! Да?

– Да! – ответили «солнышки».

– А теперь потанцуем! – весело сказала Нана и поменяла режим релаксации на режим движения.

Совсем скоро вернулась Кет, поблагодарила девушек за подмену и уж собиралась было вернуться к кряканию, как Лили спросила:

– Ой, а анкеты? Надо же, чтоб заполнили!

– Точно! Какие молодцы! – похвалила Кет.

– «Солнышки», пожалуйста, поставьте крестик, если вам понравились ваши любимые друзья, и нолик, если не хотите, чтоб они приходили к вам!

Спустя несколько минут Кет вручила девушкам стопку анкет и обняла их на прощание. Обнимала полторы минуты. Кет была из тех, кто никогда не упустит свою дозу окситоцина.

На входе посетительницы отдали Стульте стопку анкет, она пересчитала: 15 крестиков, стало быть, каждой по пять. Выдала девушкам талончики с надписью «добро» и вернулась к поеданию бутерброда и просмотру шоу.

– Извините, не поболтаю, – пробормотала она, – очень интересная серия «Мест».

– До свидания, – сказала Луна.

– Девчонки! – умоляюще посмотрела Лили. – Я знаю, у вас – планы, но на 10 минуточек – давайте за шортиками?

– Я не против, – улыбнулась Луна и переглянулась с Наной. Подруга тоже была не в восторге, но не отказывать же другому человеку, в самом деле! «Нет» – это путь к регрессу. Все знают.

Луна, Нана и Лили перешли дорогу и оказались у входа в большой торговый центр «Доброшоп».

– Ура! Смотрите, распродажа! – воскликнула Лили. – Все, точно надо брать!

Девушки вошли и сразу же направились в «Секстиль»,

Лили и Нана обычно покупали все там, а Луна, честно говоря, предпочитала приобретать новые вещи, тем более, они и стоили дешевле, но гулять так гулять! В «Секстиле» можно было отыскать все что угодно – поношенные трусики рок-звезд, ботфорты столетней давности, комбинезон, побывавший на всех континентах, губную помаду, которую извлекли из кишечника кита, и конечно же тонну поношенных фраков, пиджаков, плащей с полными карманами историй. Здесь было все! Магазин был разделен на отсеки с помощью изображений частей тела, и Лили и Луна направились в отсек отягощен до колен, а Нана отправилась искать себе новый лифчик – недавно ей приснился голубой лифчик с дырочками для сосков, и она убедила себя в том, что если отыщет такой – жизнь ее коренным образом изменится!

Увы, ее ожидало разочарование. Лифчиков с дырочками для сосков было хоть отбавляй, но приснившийся оттенок голубого так и не встретился. А вот Лили нашла то, что искала – темно-зеленые шорты со встроенным антицеллюлитным массажером.

– Ого! – поразилась Луна. – И сколько такие стоят?

– Идеально! – ухмыльнулась Лили. – Как раз пять доброталончиков.

– И ты все потратишь? – поразилась Луна: она копила доброталончики на новый диван и удивилась такому мотовству.

– Ну да, так ерунда же, – отмахнулась Лили.

В магазине было оченьлюдно, и девушкам пришлось око-

ло получаса стоять в очереди. Луну это не очень радовало, им с Наной предстоял насыщенный вечер, но уйти было бы некрасиво.

Наконец, оказавшись на улице, Лили попросила Нану сфоткать ее, приложила к лицу пакет из «Секстиля», чтоб было хорошо видно лейбл, улыбнулась и тут же отправила фото в Смайл.

– Ну, все! – заторопилась она. – У меня ж еще сегодня стерилизация, пока-пока! Хорошо вам повеселиться!

– Веселье – мое второе имя, – прокомментировала Луна, когда Лили скрылась из виду.

– В Скай? – задала риторический вопрос Нана.

– Сто лет там не была! – обрадовалась Луна, и обе девушки засмеялись.

– Нет, серьезно! Что-то захотелось «Дикого енота» пригубить, – объяснила Нана.

– Да ладно, мы там каждое утро бываем. Не празднично! – помахала указательным пальцем Луна.

– Твоя правда. Ну, а для Медденса я не одета...

– А может, – выразила шальную мысль Луна, – сходить куда-нибудь, где никогда не были? Вот, неподалеку отсюда, я видела, открылся бар. Вроде «Круп» называется, выглядит интересно. Чтоб зайти, нужно по лестнице на крышу взобраться.

– А пошли! – внезапно для самой себя согласилась Нана. – Праздник как-никак. К тому же... Первыми выложим оттуда

фоточку в Смайл!

«Круп» встретил их приветливым скрипом шаткой металлической лестницы и беспробудно темными окнами.

– Может, закрыты? – засомневалась Нана.

– А давай проверим! – в Луне вдруг проснулся авантюризм.

Это место напомнило ей Рика, и девушке захотелось во что бы то ни стало показать этому наглому бару, что ее не остановят угрюмые стены, хотя обычно ее останавливало куда меньшее. Чей-то неодобрительный взгляд, например. Не дожидаясь ответа, Луна прошла к мусорному баку, отодвинула его немного и спрятала в получившееся пространство между стеной и баком свои туфли, потом подошла к лестнице и полезла на крышу. Ступни и руки холодил металл. Луна посмотрела на небо: фонарей в этом переулке почти не было, и небо беззастенчиво мерцало. Луна бросила взгляд на радомер. Стрелка будто с ума сошла, завертелась, закрутилась, очки запрыгали вверх. Девушка залезла на крышу и помахала Нане:

– Давай, что ты застряла! Адреналин ведь! – весело подзадорила она подругу.

– Точно! А я и не подумала! – воодушевилась Нана и проделала со своими золотистыми ботинками то же, что и Луна. – Привыкла, что адреналин – это по субботам в «Драйве», после 22 минут в очереди... Даже не сразу дошло! А ты – молодец!

Девушки осмотрелись. Крыша была совершенно пустой. Ничегошеньки, что могло бы намекать на веселье, танцы и барную стойку, только трубы, провода и дохлые голуби.

– Смотри, похоже на дверь, – неуверенно прошептала Нана и указала на небольшой квадратный люк.

Приблизившись, девушки обнаружили на нем ручку. Луна потянула, люк не поддавался. Попробовала еще раз, не без труда приподняла крышку.

– Ого! Крутяк! – выдохнула Нана. – Лесенка! Спускаемся?

– А то! – захихикала Луна. Давно уже ей не было так весело.

Девушки осторожно спустились вниз.

Луна даже не успела испугаться – вдруг большая темная тень появилась из ниоткуда, схватила ее и прижала к горлу что-то стальное и холодное.

– Пароль? – прогремел голос прямо в затылок Луны.

– Мы... Мы, наверное, адреском ошиблись? – попыталась кокетливо объяснить Нана.

– Пароль? – настойчиво повторил незнакомец.

– Мы не знаем, правда. Что вы делаете? – прошептала Луна сдавленным голосом.

– Тогда у вас один выход.

Откуда-то появился еще один человек в темном плаще. Нана поразилась: надо же, черное носят... Кто так делает? Наверное, они – ужасные люди. Что же будет?

Второй человек подошел к Нане и сказал:

– Хотите пройти, девочки? Придется кое-что для нас сделать.

Луна зажмурилась. Господи. Все из-за нее! Но кто мог бы подумать? Это же настоящая преступность! Это же не происходит каждый день, она о таком только в книжках читала.

– Согласна? – спросил обладатель плаща и провел тыльной стороной ладони по щеке Наны. Девушка задрожала.

– Согласна...

– Тогда... Пей до дна! Это – наш фирменный коктейль «Круп»! – весело произнес незнакомец и, схватив Нану за подбородок, влил содержимое пробирки в ее рот.

– О господи! Что это? Что это? – из глаз девушки потекли слезы, она махала руками, носилась из стороны в сторону, задыхалась.

– Добро пожаловать в «Круп», девочки! – услышала Луна за своей спиной, незнакомец отпустил ее и «дал пять» своему напарнику.

Нана наконец пришла в себя.

– Это было... – девушка остановилась, подбирая слова. – Лучшее, что я пробовала! Восхитительно! Лунааа, давай тусить!

Луна оторопела.

– Что? Серьезно?

Охранники смягчились.

– Не волнуйтесь, вам у нас понравится. Вас ждет то, что

вас удивит. А ведь это почти забытое ощущение! Единственное требование – вы должны оставить все гаджеты в камере хранения. Проходите.

Мужчина зажег лампаду, и девушки увидели темные шторы, закрывающие проход. За ними открывалась выложенная диким камнем стена, на которой висели десятки почтовых ящиков. На одних были написаны имена, на других – числа, какие-то были заперты, из одного торчала пачка писем, а на самом ящике было написано: «Ящик предсказаний».

– Вот открытый! – обрадовалась Луна, когда они миновали несколько ящиков, – тут и оставим.

– Ты серьезно? Оставить телефон? Не сфоткаться здесь? Они, наверное, шутят! – предположила Нана.

– Ну, судя по этому, – Луна указала на большую надпись «Смайл», перечеркнутую несколько раз, – не шутят.

– Ладно, мне плевать! Луна, тебе надо попробовать их «Круп»! У меня радомер сразу на 3 очка подскочил! Это же нечто! Давай уже быстрее пойдем к новым коктейлям. А может, и к новым партнерам! – заговорщицки подмигнула Нана.

Девушки миновали длинный коридор и оказались у развилки – две одинаковых черных двери, на обеих нарисован огромный раскрытый рот с кариозными зубами и надпись: «Красота бывает и в уродстве». Отличались две абсолютно идентичные двери только одним. На левой было написано:

«Да», на правой: «Нет», ниже мелким шрифтом на обеих дверях было выцарапано: «Ответ определит ваш вечер».

– Ого! – восторженно пропищала Нана.

Луна такой истеричности за ней не припоминала.

– Это необычно! Никаких тебе «искренних объятий» при входе, пакета с одноразовой бритвой и дегустации оливок и сыра. Что выберем?

– «Нет», – без колебаний ответила Луна и заметила некоторое разочарование на лице подруги.

– «Нет»? Мы забрались по этой долбаной лестнице, попали сюда, нас чуть не убили, мы телефоны оставили, а ты говоришь «нет»? «Нет» не имеет смысла для тех, кто уже добрался сюда. Ставлю свои новенькие импланты, что у них там пустует зал.

Луна молчала.

Нана решила сменить тактику.

– Ну, пожалуйста, Луна! Я прошу тебя, если не понравится – свалим по-быстренькому. Я очень сильно хочу ответить «да».

– Может, разделимся? – предложила Луна. – И встретимся, допустим, через час...

– Но мы же пришли сюда, чтоб пообщаться... – проникновенно сказала Нана, снизив голос до шепота. Конечно, Луна знала, что общаться они будут до первого симпатичного парня, что Нана просто говорит то, что Луна хочет услышать, но она была ее единственной подругой теперь, и Луна согла-

силась.

Девушки зашли внутрь, и тут же их оглушила громкая ритмичная музыка, зал был битком набит, дым, туман и светодиоды мешали осмотреться.

Не успели они сделать несколько шагов, как музыка прервалась и на секунду в комнате повисла тишина, которую перерезал звучный бас:

– У нас две очаровательные новенькие, поприветствуем их, – со всех сторон послышались аплодисменты, – напомним правила этого зала: здесь запрещено говорить «нет» любым доступным способом. Отрицание – 1 доброталон! Непозволительная роскошь. Веселитесь!

С трудом пробравшись в середину сквозь агонию катарсирующих тел, табачный смог и неизвестность, девушки оказались в зале поменьше. Расположившись за большим круглым столом, четверо молодых людей подносили к своему виску револьвер и стреляли.

– Ого! Сто лет не играла! – шепнула Нана. – Ты пока знакомься, а я схожу нам за выпивкой.

– Добрый вечер. Меня зовут Луна. Мы можем присоединиться? Подруга сейчас подойдет, – вежливо поинтересовалась Луна.

– Валяйте, – ответил ей молодой парень, сидящий в углу. Широкополая шляпа закрывала ему лицо, но его облик и голос показались Луне смутно знакомыми.

Она придвинула два тяжелых дубовых стула из-за сосед-

него стола – все равно никто не сидел, все плясали.

Вскоре к ним присоединилась Нана. Она принесла два «Крупа».

– Пей до дна! – чокнувшись с Луной, Нана выпила коктейль залпом. Второй заход она восприняла куда менее болезненно и тут же запрыгала на месте от радости.

– Всем привет! А мне – очень круто! – представилась Нана. – И немного жарко! К черту кофту! – воскликнула она и бросила свою красную атласную рубашку прямо в сидящего напротив мужчину. Он поправил усы и смущенно улыбнулся. Удочка закинута.

Луна же повременила с опустошением пробирки – она уже увидела, что здесь все напитки подавались в пробирках разного калибра. Сделав большой глоток, Луна почувствовала, как горло обдало теплом, и горечь, сконцентрированная где-то между ключиц, уходит.

– Кто-нибудь знает, что входит в «Крупа»? – спросила она, поморщившись.

– Никто! Это их секретный ингредиент, – ответил лысый мужчина, сидящий справа. – Тем не менее, я, знаете ли, не буду скромничать, – прекрасный биохимик, и я предполагаю, что это не обычный энергетик на основе матеина, таурина и мета, а еще и витаминный комплекс плюс... – Лысый выдержал паузу и, несмотря на явное усилие, все же не сумел сдержать самодовольной ухмылки: – Здесь явно есть... Алкоголь!

– Алкоголь? – поразился его сосед. – Что вы такое наговариваете? Это же строго запрещено, алкоголь ведь меняет личность!

– Господа, – прервал начинающуюся дискуссию парень в шляпе, – помните меня? Я Карл, и я здесь работаю, и от лица «Крупа» скажу вам вот что: какая, к чертям собачьим, разница? Секрет останется секретом, и это одна из составляющих вашего удовольствия, не лишайте себя этого.

– А ты прав!

– Прав, малец! – согласился лысый.

Луна не сводила глаз с Карла. Что-то в нем...

– Ваш черед, новенькие! Правила известны? – брезгливо бросила элегантная женщина, сидящая напротив Наны. Ни один волосок не выбился из идеальной гульки. Она напомнила Луне Марчелу. Что за день призраков такой?

– В целом, да, – ответила Нана и повела плечами – становилось зябко.

Усач не пропустил это микродвижение и тут же предложил свой пиджак. Нана любезно согласилась.

– Нам бы уточнить, так сказать, стоимость забавы, – произнесла Нана.

– Во сколько бы она вам ни обошлась, это будет дешевле, чем если вы откажетесь, – напомнил Карл правила зала и ухмыльнулся: – Кстати, Луна – я так понимаю? Угощайтесь! – настойчиво предложил он.

Луна заозиралась по сторонам в поисках поддержки. Нана

медленно провела языком по губам и посмотрела на Усача, тот барабанил пальцами по столу. Карл достал из кармана варган и начал тихонько играть, глядя Луне прямо в глаза. Утробный урчащий звук, исходящий из его рта, несмотря на громкую музыку, будто бы влетал прямо в раскрытый рот Луны и щекотал ее нёбо. Во рту пересохло.

– Да. Да, конечно! – ответила девушка и быстрее, чем сама того ожидала, резким движением опрокинула в себя содержимое пробирки.

Вулкан не стал медлить, а взорвался в ту же секунду, горячая магма потекла по сузившимся сосудам, сотни стертых цивилизаций вспыхнули в голове и тотчас же потухли. Мир изменился. Луна замерла. Сквозь толщу океана до нее доносились далекие голоса:

– Эй, возвращайся. Не улетай далеко.

Щеки горели. Оказывается, Карл успел вlepить ей уже несколько затрещин, но Луна не реагировала.

– Что вы наделали? – запаниковала Нана.

– Расслабься, – снисходительно бросил Карл, – действие – ультракороткое. Если она еще барахтается в своем состоянии – она этого хочет.

И действительно – спустя несколько минут взгляд Луны обрел осмысленность.

– Не... необыкновенный вкус, – выдавила она, – благодарю. Не согласитесь ли вы ВСЕ больше не предлагать мне ничего выпить или съесть?

– Хитро! – выпалил лысый.

Разумеется, все согласились.

– Так все-таки, введите в курс дела, – попросила Луна.

– Все как обычно, шестизарядный револьвер, один патрон, – увидев неподдельный испуг, промелькнувший на лицах девушек, Карл засмеялся: – Шучу. Мы не настолько оригинальны. Но правила у нас свои. Начнем новый круг с меня. Я прикладываю к виску пистолет для инъекций...

– Выглядит как настоящий! – прошептала Нана. – Причем старинный. Вот это они стильные!

– ...Несколько секунд удерживаю, чтоб он синхронизировался с радомером, и стреляю. Если попадетсЯ холостой – передаю дальше, если нет, жду, пока не пикнет. Вводится, – иронично усмехнулся, – концентрат печали, – картинно взгрустнул, выпятив нижнюю губу, – новая разработка. Действует 20 минут, из побочки – тошнота, рвота, сыпь, изредка – клиническая смерть, но тут госпиталь недалеко.

Покончив с объяснениями, Карл, не колеблясь, выстрелил. Холостой. Передал дальше.

Усач не был так спокоен, он бросил взгляд на свой старенький радомер-силвер, тот уже изрядно глючил и не всегда засчитывал очки, но Усач к нему прикипел и не хотел менять ни на какой другой. Сегодня он набрал 8 очков. Нехилый результат. Страшновато, но отказать себе в удовольствии рискнуть Усач не мог. Он поднес револьвер к виску, его пальцы дрожали, убрал, снова поднес, снова убрал. Все терпеливо

ждали. Его страх, словно опасный вирус, передался и всем остальным. Никто не хотел, чтоб Усач спешил, время, которое он выигрывал, было их временем. Никто, кроме Карла. Он демонстративно зевал, ехидничал и наслаждался происходящим.

– Кстати, – вдруг разорвал гнетущую тишину Карл, – эта партия последняя – скоро придет Хирург, советую занимать очередь, он должен быть сегодня в ударе!

– У них есть хирург, – отвлеклась от напряженного ожидания Нана, – Луна, они на таком высоком уровне! Мне как раз бы надо кое-что подправить! Вечер превосходит все ожидания.

Выстрел. Холостой. Усач передает пистолет Элегантной даме, та снимает кружевные перчатки. Луна засматривается на ее руки. Такие красивые... Элегантная дама открывает рот, засовывает револьвер внутрь и стреляет.

– Эй, эй, он так не синхронизируется с радомером, – пытается ее остановить Карл.

– Поздно. В любом случае холостой...

– Ты сегодня больше не играешь, – говорит ей Карл, – нечестная игра.

Элегантная дама ухмыляется и показывает Карлу средний палец.

Карл долго вглядывается в ее лицо, извлекает из-за пазухи колоду карт.

– Выбирай. Если достанешь ту, что сейчас у меня в кар-

мане, – будешь новым помощником бармена. Условия тебя устроят. Если любую другую – дорога сюда тебе заказана. Или можешь не играть, но тогда, – Карл делает долгую паузу, подходит к Элегантной даме вплотную и кидает ей прямо в лицо: – Зачем ты сюда пришла?!

Воздух спертый.

Элегантная дама кивает. Несколько секунд сосредоточенно молчит, Карл в это время машет картами у нее перед лицом. Женщина достает карту, резко, одним движением. Абсолютно интуитивно. «Повешенный». Карл снимает шляпу. Достает из кармана своего фрака такую же карту.

– Ух ты! Знаешь, сколько мы не могли помощника бармена найти! «Круп» за счет заведения. Ни черта себе! – не может нарадоваться Карл.

Они идут к барной стойке. Игра продолжается.

Луна, Нана и Лысый знают наверняка: дальше кто-то из них, они боятся продолжить игру, но хотят поскорее покончить с этим. Неведение – самая жестокая казнь.

– Ну, чему быть – того не изменить! – бойко говорит Лысый, понимая, что кто-нибудь должен начать, и, несмотря на усиливающуюся дрожь в руках, стреляет. Холостой.

Его радомер в поле досягаемости зрения Луны, и она видит, как счетчик поднимается с 6 до 12! Еще бы, такой стресс и такая радость. Луна уже знает, у нее нет никаких сомнений в том, кому достанется препарат. Так и должно было случиться. Весь сегодняшний день, весь этот фарс, вся ее ник-

чемная лицемерная жизнь и это жгучее молчаливое ощущение внутренней неправоты происходящего – лишь большой магнит, который неизбежно притянет разоблачение.

Так и есть. Луна стреляет не раздумывая: чего ждать? – все и так ясно... Укол. Револьвер пикнул. Игра окончена. Концентрат печали достиг самого нутра.

Игроки быстро разошлись, Нана сходила за новой порцией «Крупа», взяла и для Луны, но Карл предупредительно объяснил, что лучше не смешивать. Лучше подождать, пока препарат выветрится.

Луна сидит, обхватив руками плечи, и смотрит, как тают старательно заработанные сегодня очки. Карл садится напротив и снимает шляпу.

Из горла девушки вырывается сдавленный вопрос:

– Рик? Нет... Не понимаю.

Парень смеется.

– Я и Рик, и не Рик. Одновременно...

– Так похож... – растерянно шепчет Луна. – Даже глаза того же удивительного цвета, мутно-зеленого. Но не Рик... Не понимаю.

– Я так и знал, что ты – она, – начинает собеседник, – уж очень похожа на ту картину, но я не понимаю, чем ты могла его зацепить. Ты же тошнотворно обычная, даже эта Нана твоя хоть чем-то уникальна – она живая, а у тебя – как будто кол в заднице! Такое напряжение. Ты слишком стараешься, знаешь!.. Не понимаю. Я очень разочарован. Я страшно

разочарован, – бормочет «не Рик» себе под нос.

– Я не понимаю...

– Рик открыл это место, Рик придумал его, это же очевидно! А я – его главный фанат. Я получил это звание месяца назад и до сих пор держусь, я сделал 15 пластических операций, осталось только над голосом поработать. Я знаю о нем все. Я столько раз видел твое лицо, я думал, в тебе есть «что-то». Что-то! То самое неизвестное, делающее людей особенными.

– И... Рик, – опешила Луна, – позволил это?

– В смысле?

– Позволил такой культ себя?

– Ему плевать. Он не общается с фанатами. Он вообще ни с кем не общается. Понимаешь, абсолютная самодостаточность! Это круто, это так круто, понимаешь?

Слишком много информации. Луна не знала, куда деться от всех этих новостей. Он все еще рисует? В самом деле? Просто рисует, не работает в Офисе, как она... Луна взглянула на радомер: 0 очков.

– Ясно, – сказала девушка, встала, задвинула тяжелый стул и ушла.

Заняла очередь к Хирургу.

К горлу подступал комок, музыка раздражала, разболелась голова, а перед ней стояло не меньше десяти человек.

Поколебавшись несколько минут, Луна все-таки направилась к выходу. Сил искать подругу не было, ей срочно нужен

был свежий воздух.

Глава 8

Выставка картин

Ужасно было то, как она себя вела в старшей школе. Луна очень хотела подружиться с группой Альфа, куда входили красивые и умные девочки, которые еще в школьные времена проявляли потенциал и занимали призовые места на фестивалях радости. Но Альфа-девчонки не хотели с ней дружить, они говорили, что своим унылым видом она портит им настроение, а ее странноватый друг – уж тем более. Рик любил большие очки, мнил себя художником, и его черные жесткие волосы часто были немыты. Не то чтоб они были грязные, но все знали, что Рик брезгует унистилем («Бальзам плюс шампунь по суперцене, с нами будешь на коне!»)

и моет голову дегтярным мылом! Кое-кто говорил, что это даже оригинально. Но только не А-девчонки. Они любили, чтоб все было красивенько, а если уж художник – то пускай рисует в кожаном скетчбуке и носит узкие желтые штанишки.

Луна помнила ту весну, терпкую, новорожденную... Они с Риком валяются на траве, трава щекочет ноздри, ладони, пятки. Солнце палит в спины. Рик малюет что-то в своем блокноте. Судя по степени изрисованности – был вторник или среда. Каждую неделю у Рика был новый блокнот. Он любил бежевые простые блокноты в 32 листа с бумагой книжного цвета – не белой, а немного желтоватой, но не слишком. Рик не изменял своим традициям, он покупал новый блокнот каждую пятницу, и по ним Луна очень хорошо наловчилась определять дни недели.

В тот день Рик волновался, и волнение переносилось во все, что он делал. То, как он сжимал свои пальцы, заправляя волосы за ухо, как он растерянно и гордо, набирая в грудь побольше воздуха, заговаривал о своей выставке. А ведь вначале выпендривался...

Это было после уроков, Луна болтала ногами, сидя на подоконнике, а Рик небрежно кинул, опустившись напротив: «Вот, выставку мне предложили организовать, я пока думаю». А потом оба прыснули со смеху. Как волнителен и прекрасен был тот момент!..

Луна помогала Рику готовиться, отбирала с ним работы,

кривлялась в зеркале, пока он репетировал речь, подбадривала. Но А-девчонки постоянно его критиковали. Не видели смысла в простоте его линий. «К черту смысл, к черту этику, в искусстве главное – эстетика!» – повторяли они моденькое кредо из рекламы магазина канцтоваров. И надо же, какая подлость! Они назначили церемонию посвящения новичков в члены группы А в тот же день, когда у Рика была выставка. Луна думала, что успеет. Выставка была вечером, но как-то так все завертелось, что в галерею она влетела в самом конце, пропустив любимую картину Рика, на которой был холодильник с органами. Как-то они вместо уроков поехали исследовать провинции по соседству и в итоге остались ночевать в каком-то сарае. Все тогда страшно волновались: они пропустили экзамен по самообладанию!

А потом родилась картина, смутно впитавшая в себя ту звездную ночь, запах пожухлой листвы и их сплетенные пальцы, похожие на осьминога.

Холодильник с органами. Больше всего было сердец с торчащей кверху аортой, из них текла прозрачная небесно-голубая жидкость. Рик думал, что душа находится в сердце, заставляет его клетки работать. Он думал, что душа живет в так называемых «водителях ритма», автоматизированной системе сердца, которая работает сама по себе. Абсолютная самодостаточность. Вот что всегда вызывало восхищение у Рика. Луне даже казалось, что частенько он специально наводит собеседника на разговоры о душе (хотя все знают, что

это архаизм), чтоб впоследствии ввернуть свою теорию и хорошенько выпендриться. В этом – весь Рик.

Выпендриться и быть счастливым.

К моменту прихода Луны он уже успел показать картину, на которой была изображена Луна вверх ногами, с растопыренными пальцами и растрепанными волосами. Она воплощала безумие и элекричество. Луна всегда завидовала себе в воображении Рика. Хотелось бы ей тоже быть такой!

Какой-то журналист, признав Луну на картине, хотел взять интервью и у нее, но Рик резко оборвал его и сказал, что девушки просто похожи. Эту он не знает.

Как удар под дых.

Глава 9

Туман

Дальнейшее происходило в тумане, в горячечном бреду, в проклятии белладонны, а Луна, не пытаясь бороться с этим состоянием, позволила ему проникнуть в каждую свою клетку. Девушка вышла на улицу, жадно глотая ночную прохладу, и побрела в единственное место, где могла бы побыть одна. Или не одна. Не важно. Только не домой. Она не выдержит молчаливого укора своей треснувшей чашки, сломанного дивана и недоеденной порошковой каши.

Куда идти? Луна не была на «их месте» лет сто. Может, его вообще уже снесли к черту, кто знает?

Улицы пустовали. Конечно, сегодня праздник, все весе-

лятся. Луна шла, не глядя по сторонам, и пестрые неоновые вывески сливались в одно яркое пятно. В крикливый флагман этого мира, в который ее никто не звал. Счастливые лица потрясающих девушек на рекламе пластических операций, поделенные на «до» и «после», разноцветные люки, бигборды с отрывками из «Антологии гедонизма», новенькие радомеры, бегающие по стенам высоток с легкой подачи гигантских проекторов.

Луна не смотрела по сторонам.

Впереди замаячил сквот. Увидел бы ее сейчас кто. Мигом бы уволили. Но Луне было плевать, впервые за долгое время. Ей бы... Просто посмотреть на этих людей, хотя бы одним глазком. Просто постоять рядом, может быть, они ее не заметят? И уйти – так быстро, как только получится.

Полуразрушенное старое здание не было освещено. Подойдя поближе, Луна увидела что-то вроде памятника. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это сваленные в кучу поломанные велосипеды, гипсовая голова старика, несколько мольбертов и гора бумажных свертков. Смысла этого странного сооружения Луна не поняла. Может, и не было смысла, свалка, да и все. На асфальте большими красными буквами было написано: «Все, что тебе нужно, – это небо», а рядом приписка: «Мы идеалистичные козлы, и иногда нам приходится жрать крыс, лучше иди домой».

Это был почерк Рика. Несмотря на смятение и усталость, Луна поняла это совершенно точно. Они нашли это место

еще когда учились школе, и частенько устраивали там свидания, валяясь на принесенном из дома покрывале, запивая страх и волнение остывшим чаем и выдумывая друг другу признания в дружбе. Несмотря на силу своего протеста, они не были готовы зайти так далеко, чтоб говорить о любви. Это могло бы все разрушить, могло бы обратить все то хрупкое и крепкое между ними в пыль. Они были осторожны. Это было не слово, а заклинание.

Черный вакуум воспоминаний поглотил Луну, ее ноги подкосились, сердце забилося в горле. Она вздохнула. Прикрыла на секунду глаза. Открыла. Постаралась максимально сконцентрироваться на моменте, вобрать в себя это место, запомнить. Снова прикрыла глаза. Побрела в сторону дома. Не обернулась. Вошла в тесную комнату, уселась на кровать и долго не моргая смотрела в одну точку.

– Я не знаю, что мне делать, – шептала Луна и прикрывала рот рукой, не смея признаться в том, что посмела себе признаться.

Глава 10

Полиция счастья

Вторник. Утро. Луна уснула прямо в одежде. Под глазами круги. Непроизвольно взглянула на экран радомера. 0 очков.

«Хорошо, хоть в минус уходить не умеет», – подумала она, направляясь к кухонному шкафчику. Порошковые йогурты закончились. Подкрепиться нечем. Придется ждать обеденного перерыва. Девушка вздохнула. Ничего не хотелось – только сидеть и смотреть в стену. Она зашла в душевую кабинку, надела полиэтиленовую шапочку, чтоб не намочить волосы, подставила лицо прохладным струям воды. Посмотрела на свои ноги. Большой палец всегда напоминал ей о неизбежном взрослении – он держался особняком. Луна ча-

сто засматривалась на ноги других людей (особенно на большие пальцы ног). У кого-то большой палец был короче указательного, а у кого-то длиннее, иногда ноготь на нем слоился, желтел, чернел. Некоторые носили кольца. Почему-то большие пальцы многое рассказывали Луне о людях, как будто они были замочной скважиной в сокровенный мир другого. Что она могла бы сказать о своих больших пальцах? Они – грустные. Грустные и обычные.

Она наспех вытерлась белым махровым полотенцем. Надела лимонного цвета брючный костюм. Нацепила очки-невидимки – подарок отца. В детстве они любили играть в прятки. Когда Луна закончила школу, отец подарил ей очки в деревянной оправе, которые смастерил сам. Абсолютно непроницаемые для чужих взглядов, но при этом симпатичные. Социофобия, которую можно выдать за эксклюзивный стиль. Взяла зонтик. Трижды проверила, закрыла ли дверь.

На улице было тепло и безветренно. Луна ускорила шаг. Ей хотелось как можно быстрее оказаться на работе, а потом дома, чтобы уснуть под рекомендации Министерства позитивной психологии, иногда это помогало. Девушка старалась не смотреть по сторонам, все вокруг были счастливы – даже железные лица, вырезанные на канализационных люках, излучали жизнелюбие.

– Подруга! – обратился к ней розовощекий кудрявый мальчик лет восьми, за спиной у которого возвышались золотые крылья. – Здравствуй!

Луна остановилась.

«Черт. Ну, только этого не хватало!» – подумала она.

Вымученно улыбнулась.

– Здравствуй, прелестное дитя. Как поживаешь? Вижу, несешь свет в этот мир. А я иду на любимую работу! – выдала Луна отработанный текст.

– Так и есть, – улыбнулся мальчик, – я очень счастлив и делюсь этой радостью с другими! Смотри, что у меня есть! – радостно запищал он и вытащил из рюкзака большой пулемет. – Смотри, как много счастья! – мальчик выстрелил в Луну.

Из жерла автомата вылетела сотня маленьких прозрачных пузырей, переливающихся на солнце.

– Лопать! Лопать пузыри! Лопать! – завопил мальчик. – Давай со мной!

Луна улыбается и бежит вместе с мальчиком, пытаясь догнать парящие мыльные сферы.

– Уф! Весело! – смеется мальчик. – Ну, на работу, так на работу! Надо тебя отпускать! – говорит он и обнимает Луну. Она прижимает его к себе в ответ.

– Пока, малыш! – улыбается девушка и целует мальчика в лоб. – У тебя очень красивые волосы.

– Спасибо, – смущенно отвечает ребенок.

Луна разворачивается и уходит.

– Не так быстро! – обгоняет ее мальчик. – Я не по протоколу себя веду, а ты не исправила! Не дело! – серьезно гово-

рит он. – Я тебе даже удостоверение не показал! А у меня оно есть, между прочим! Красивое и блестящее! – Мальчик достает из кармана бордовую «корочку» – ПОЛИЦИЯ СЧАСТЬЯ.

– Ты прав, поверила на слово, счастливые безучастны к деталям, – Луна произносит стандартную фразу.

– Как же, как же! – смеется мальчик. – Радомер показывает.

Луна нехотя приподнимает рукав и показывает экран приборчика.

– 0 очков! – пищит мальчик. – Какой ужас! Это же... – Он волнуется, губы его дрожат. – Это – настоящий выговор! Ой, как неприятно это делать! Как не хочется... Придется написать письмо на вашу работу. Сейчас же! – Мальчик записывает серию и номер именного радомера, затем крепко обнимает Луну.

– Пока, подруга, – говорит он и убегает, весело размахивая своими крылышками.

Луна вздыхает. В принципе, ничего страшного, отправят в «Драйв», занесут в базу одиноких, может, найдут случайного партнера. Как-нибудь дело поправят на работе. Им же не нужна низкая эффективность. А работник без радости – как рубашка без брюк, как говорится. Вот только... Девушка вспомнила недавний разговор с Лилиумом о сокращении. Будут ли они возиться? Или ее просто в очередной раз уволят...

Луна бездумно брела в направлении Офиса. Внимание ее привлек плакат.

«Ты устал от своей жизни? Больше ничего не приносит радость? Санаторий ждет тебя. Подлечись – Главным становишься!»

Луна нервно хихикнула.

Она знала почти наверняка – сегодня-завтра ей скажут, что она слишком хороша для такой работы, всучат идеальное рекомендательное письмо, в котором, однако, укажут, что ее уволили спустя год, и отправят восвосяи.

Не успев обдумать решение, набрала номер почти по памяти. Каждый день тысячи бигбордов предлагали отправиться в Санаторий.

– Здравствуйте, мне бы... поправить здоровье, – запинаясь, начала Луна, когда трубку наконец подняли.

– Санаторий приветствует вас, чем могу помочь?

– Хотела бы пройти курс, как можно быстрее. Устала на работе. Нужен отдых. Очень. Нигде ничего не было про стоимость, но в рекламе было написано, что делают скидки работникам Офиса...

– Девушка, – перебила ее оператор, – не частите. У нас ведь не только лучший Санаторий, но и единственный в своем роде. Так что стоимость – дело последнее, вы платите за здоровье и гармонию.

– Извините, – пробормотала Луна.

– На данный момент стоимость составляет пятьсот добро-

талонов. Если вы работник Офиса, скидка десять процентов.

– Ого, – поразилась Луна, – так много... Что же мне делать?

– Откладывать с зарплаты, искать подработки, ходить к детям, в приюты к животным, ну что мне вас учить?

– Ну, а может – на недельку, неполный курс? – начала выдумывать Луна.

– Девушка! – возмутилась оператор. – Вы с кем торгуетесь? Предложение у меня только одно, но вряд ли вы согласитесь, судя по всему, вы скупитесь и не готовы на все ради собственного здоровья!

– Я готова! – воскликнула Луна. – Я устала от хандры, от самокопаний, я хочу быть счастливой! У меня все в порядке с гормонами, я проверяла. Дело в другом! Видимо, усталость.

– Что ж, похоже, вы в отчаянии? – смягчилась оператор. – Тогда у меня есть вариант, но я боюсь, что он не слишком заманчив.

– Какой же? – осторожно спросила Луна, хотя что-то подсказывало ей – зря.

– Как вам наверняка известно, политика Санатория социально ориентирована, мы всегда ищем компромиссы, мы боремся за здоровую и счастливую нацию, – торжественно произнесла женщина по ту сторону трубки, – сейчас как раз нужен новый человек в телешоу «Место», съемки которого, как вам наверняка известно, проходят на территории нашего

Санатория.

– Участвовать в «Месте»? Без кастинга, без анализов?

– Туда приходят обычные люди, которые хотят подлечиться, что вас так удивляет?

– Ну, мы с подругами смотрели несколько сезонов, и участники часто, – Луна смутилась, пытаясь подобрать слова: – неизлечимы... И они так и остаются в Санатории.

– Да, потому что хотят туда попасть те, кто не может заплатить, а отсутствие средств – это уже признак асоциальности в нашем обществе открытых возможностей. Согласны? Бывают и исключения, конечно. Вы наверняка в их числе. Ну что? Согласны? – нетерпеливо спросила собеседница.

– Согласна, – неожиданно для себя самой ответила Луна, прежде чем успела обдумать все плюсы, минусы, риски и последствия.

Это магия телефонных разговоров, – реальность расслаивается и, пребывая в телефонной плоскости, человек принимает смелое решение, потом кладет трубку и с ужасом осознает, что его выбор стал объемным.

– Тогда ждем вас через два часа. Вещи не понадобятся. Мы вас уже любим!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

ТЕЛЕШОУ «МЕСТО» СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ
АГРЕССИИ

И ГРУСТИ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ
ТРАВМАТИЧНЫ

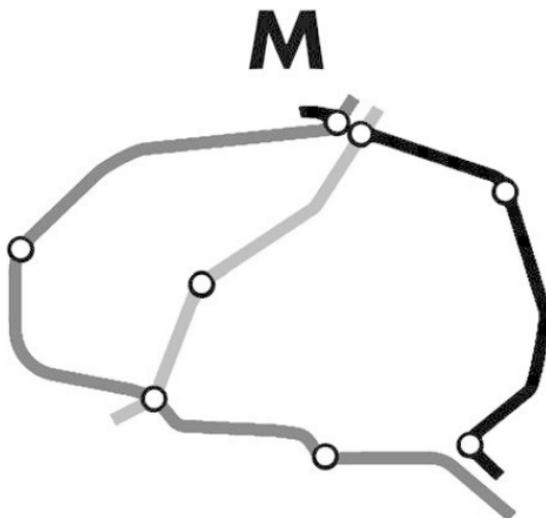
ДЛЯ ВАШЕГО ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ!

ВЫЗЫВАЕТ СОМНЕНИЯ, МОЖЕТ СТАТЬ
ПОВОДОМ

ДЛЯ ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ И
УВОЛЬНЕНИЯ

С РАБОТЫ.

НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ К ПРОСМОТРУ
НАЕДИНЕ.

Часть вторая, в которой немые персонажи пытаются что-то сказать зрителям сквозь мутное звуконепроницаемое стекло

Серия № 1. Шоу «Место»

Знакомство с блистательными ведущими и перепуганными участниками

Зажигательная румба! Раз-два, раз-два! Молодая пышно-грудая ведущая в ярко-красной блестящей накидке поверх прозрачного платья плывет навстречу Вальтурису – лысому низкорослому мужчине.

– О, Нула! – восклицает он. – Ты как всегда великолепна!

– Не так великолепна, как вы, – отвечает девушка, – ведь

вы уже пять лет звезда самого популярного телешоу!

(За их спинами загораются неоновые буквы: «МЕСТО».)

– И в этом сезоне мне повезло как никогда! Нула недавно закончила школу, ей выдан золотой диплом! Она победительница конкурса харизмы и заняла второе место в стране по смеху! Нула, посмейся-ка, малышка! – просит Вальтурис и похлопывает девушку по мясистой ягодице.

– Ради такого импозантного мужчины я готова смеяться до обморока! – отвечает Нула и тотчас же заливается громким грудным смехом. Да таким задорным, что зрители, сидящие по обе стороны от сцены, не могут удержаться и хохочут вовсю.

– Это Нула! – повторяет Вальтурис, и раздаются громкие аплодисменты.

– Это! Ва... ль... турис! – торжественно объявляет Нула.

– И мы с вами смотрим девятый сезон «Места», добро пожаловать! И помните, утеха – залог успеха! Покупайте «Вибро-3000»! «Вибро-3000» – один из генеральных партнеров шоу «Место»!

Раздаются аплодисменты, на сцену выносят трехэтажный торт, который венчает горящая цифра 9. Нула задувает свечу. Вальтурис берет в руки большой нож и разрезает торт. Когда все зрители получают по кусочку, свет приглушается.

– Вы готовы? – спрашивает Нула.

– Да, – отвечают зрители в один голос.

– На всякий случай напоминаю правила: каждый из сидя-

щих здесь – примерный гражданин, мы доверяем вашему выбору. Справа от вашего невероятно удобного кресла фирмы «Кристалл» (тут Вальтурис посмотрел в камеру и улыбнулся, обнажив свои белоснежные недавно поставленные зубы) находится монитор, на котором вы видите имена и портреты всех участников, слева две кнопки – зеленая и красная. Если участник справился с заданием – вы нажимаете зеленую, если нет – красную. На основании ваших оценок мы решаем в конце сезона, давать ли участнику подсказки о финальном экзамене. Поехали?

– Да! – отвечают зрители в один голос.

Тихо жужжит проектор. С потолка спускается большой экран.

...Большой просторный класс, десять человек сидят в шахматном порядке, у каждого в руках конверт.

Вальтурис появляется в кадре.

– Добро пожаловать, дорогие, любимые нами участники! Мы благодарны вам за то, что вы решили стать лучше и счастливее с нашей помощью. В этом конверте – свод правил, с которыми вам нужно ознакомиться! Если не возникнет никаких вопросов – вы подписываете документ, и мы сможем поскорее начать! А как известно, быстрее начнем – быстрее закончим! – воодушевляет Вальтурис.

Участники шуршат, достают листы из конверта, морщат-

ся, пытаюсь разглядеть написанное. В комнате темно.

– Простите, – робко начинает один из участников, рыжий веснушчатый мужчина, – может быть, – он делает паузу, закашливается, чувствуется, что в горле у него пересохло, трижды моргает правым глазом, – может быть, включить свет? А то прошто не видно...

– Свет включить, уважаемый? – переспрашивает Вальтурис. Словно коршун, приглядевший добычу, он в два шага оказывается у стола, за которым сидит рыжий, и, вперившись в него взглядом, ждет ответа.

– Да, ешли можно, – шепелявит парень.

В зале слышится одобрителный гул. Вежливость ведет к прогрессу!

– Можно, разумеется. Не вопрос, – уверяет Вальтурис и смахивает со стола ручку участника.

– Ничего, я подниму, – отвечает тот и наклоняется, чтоб поднять ручку. Спустя мгновение его ладонь оказывается под лаковой блестящей туйфлей Вальтуриса.

Рыжий вскрикивает.

Вальтурис тут же отходит на два шага назад и проникновенно смотрит на собеседника.

– Бога ради! Уж не знаю, как так вышло! Простите сердечно! Ну, хотите, я вам книгу жалоб дам, напишите туда, что у старого маразматика совсем все плохо с координацией

движений!

– Ничего. Ничего страшного, – растерянно бормочет участник и возвращается к чтению, – спасибо.

В зале снова слышится одобрителный гул.

– Итак, полагаю, все ознакомились с правилами, – говорит Вальтурис, – я оглашу еще раз вслух: вы пришли сюда, потому что вы в отчаянии, но вы хотите себе помочь! Вы получаете уникальную возможность пройти оздоровительный курс в лучшем и единственном Санатории Государства, взамен вы позволяете записывать происходящее на камеру. Мы же обязуемся не раскрывать имен, не помещать камеры в «свободных локациях» и вырезать сцены, содержащие эротический характер, если только вы не захотите, чтоб мы их оставили, – ведущий хихикнул, – как, например, сделал финалист третьего сезона, ныне популярный актер, главное лицо рекламы «“Антикариес” – зубная паста для поцелуев!» Вам следует знать, что вас ждет финальный экзамен, о котором никому ничего не известно! Наше экспертное жюри дает вам подсказки, если вы этого заслуживаете. Помните – если наши эксперты установят, что вы научились вести себя адекватно социальной среде, в которой находитесь, среде, которая заботится о вас, – вы получите прекрасные рекомендации и отправитесь в новую жизнь! Напоминаю: вы обязуетесь участвовать во всем происходящем, это прописано в контракте.

Вы не можете покинуть территорию Санатория без нашего ведома. Если вы не готовы к выздоровлению и хотите вернуться к вашей прежней жизни – самое время встать и уйти. Счастье – не простой путь, и если вам нравится быть неудачниками – проваливайтесь. Здесь мы учим вас смотреть жизни прямо в лицо.

Никто не пошевелился.

Помощник Вальтуриса, безымянный астеник лет сорока с серым лицом, молча собрал подписанные анкеты и удалился.

– Мы приготовили для вас чудеснейший изысканнейший банкет. Уверен, многие из вас видели подобное только в книжках! Шикарный, одним словом, пир в честь открытия сезона! – торжественно объявил Вальтурис. – Налетайте! Ешьте, сколько угодно! А как насытитесь, но не позднее, чем через полчаса, жду вас в холле. Там каждый из вас получит свое первое задание.

Послышался встревоженный шепот.

Камера остановилась на несколько секунд на каждом из участников.

Розовощекая кудрявая толстушка, поглаживающая медальон с чьим-то портретом, нервно жевала губу, двое рядом с ней жевали канapé с горгонзой и виноградом. Женщина, втиснутая в маленькое черное платье, не подходящее ей по

размеру, кокетливо улыбалась бородатому мужчине в фиолетовой юбке. Они готовились к Хвалебному диалогу.

– Вы выглядите очень... женственно, – сказал он. Голос у него оказался низким и вкрадчивым.

– А у вас потрясающий голос! – искренне выпалила женщина.

– Вы очень... мило едите! – нашелся мужчина.

– У вас очень бородатое лицо! – ответила женщина и тут же смутилась, – то есть борода к лицу подходит... В общем, вы поняли.

Сидящие неподалеку девушки, наблюдающие за этой картиной, переглянулись. Обе захихикали.

– Я – Луна, – представилась одна из них.

– Флор, – ответила другая и уставилась на собеседницу. – Ты грустная и бледно-голубая. Как чахотка, авиалинии «Скайфай» или гибрид помело и фейхоа.

– Но помело – само по себе гибрид, – попыталась возразить Луна, – я гибрид гибрида?

– Бледно-голубая. Нежная, – добавила Флор, – у меня хорошее ассоциативное мышление – это моя главная проблема. Быть гибридом – неизбежно, главное не быть инженером, вот это уже, знаешь, совсем плохо для души.

Девушки прыснули. Использование архаизмов всегда отдавалось странным напряжением в копчике, как будто все рудименты организма отзывались солидарным эхом и намекали: еще, еще, а теперь о Боге поговорите, и не забудьте по-

шевелить ушами.

В конце класса, нахмурившись, с идеально ровной спиной сидел молодой парень и хрустел суставами пальцев. Он не притронулся к еде и сводил на нет попытку завязать беседу, исходящие от соседа – рыжеволосого веснушчатого мужчины, счастливого обладателя соблазнительных жидких усов и двух бородавок между глаз.

Комната стала погружаться во мглу. Экран погас и тут же замелькали манящие картинки:

Пластическая операция за 50 доброталонов, успеите записаться сегодня! Огрубение эпидермиса на подошвах + бесплатный каблук! Забудьте о туфлях навсегда!

Мультисмесь с новыми запахами!

Соскучились по бифитексу или, может быть, хотите отведать лягушачьих лапок? Все, что угодно! Насыпаете порошок, заливаете кипятком, добавляете ароматизированную приправу! И вуаля, сверхполезный питательный обед! Ах, как пахнет! В подарок – повязка для глаз! Надевайте и ешьте с удовольствием!

– Мое имя – Нула. Здравствуйте, котики! Я рада приветствовать вас в девятом сезоне «Место». Перед тем, как мы начнем, вам предстоит пройти малюсенькое славное испытание, которое поможет нам всем убедиться в серьезности ваших намерений.

– Итак, – обратился Вальтурис, – как вам всем известно, вы пришли сюда по своей воле, никто не станет вас удерживать. Это ваш выбор – быть винтиком в прекрасно работающем отлаженном механизме всеобщего благоденствия или ржаветь, упиваясь непохожестью на другие винтики. Ах, – перебил сам себя Вальтурис, – сегодня я метафоричен как никогда!

– Право выбора всегда остается с вами! – подхватывает Нула, – а свое право выбора я отдаю Шопогуру! Компания «Смарт» выпустила новую линейку роботов – Шопогуру, они моментально снимают все мерки и предлагают идеальный наряд!

Все хлопают в ладоши! Ура Шопогуру!

– А теперь в честь открытия сезона для вас споет детский хор общеобразовательной школы номер 57, ученики которой лидируют в рейтинге радости!

Дюжина светловолосых белокожих десятилеток выстроились квадратом и, соорудив сердечко из больших и указательных пальцев, исполнили Гимн Великой Радости.

Когда дети закончили петь, Нула достала из сумочки носовой платок и вытерла краешки глаз.

Участники захлопали.

– А теперь первое задание! У вас есть пять минут на подготовку, вы должны будете представить себя телезрителям и нашим экспертам. Понравитесь другим – понравитесь себе! Вам нужно рассказать о себе, описать свои цели и объяснить,

почему именно вы достойны получить наш приз – бессрочный контракт на хорошую работу!

– Помните, каждый из вас – индивидуальность, – добавил Вальтурис, – будьте добры – перед началом переоденьтесь в специальную форму. Нам бы не хотелось, чтобы ваш внешний вид влиял на оценку. Кроме того, обязательно снимите свои радомеры и сложите их вот в эту коробочку! Счетчики только помешают выздоровлению! А пока вы готовитесь – маленькая рекламная пауза!

Кадр меняется:

Молодой парень стоит на заднем дворе своего дома в халате и курит трубку:

– Я счастлив, я так счастлив, что больше некуда, – говорит он.

Вдруг раздается шум, парень оборачивается. Прямо напротив его дома гигантский экскаватор ставит еще один дом, но значительно больше. Из него тут же выходит другой парень в халате, который курит трубку:

– Я счастлив, я так счастлив, что больше некуда, – говорит он.

Вдруг раздается шум. Парень оборачивается – экскаватор. Картина гаснет. Появляется рекламный слоган:

«Всегда можно быть более счастливым. Становись Главным»

– Тем временем, – говорит Нула, – участники успели достать свои номерки из ультрамодной шляпки, которую я купила на неделе распродаж в «Добробутике» всего за два доброталона. И первый номер достался...

Возникла неловкая пауза.

– Кому достался первый номер? Выходите! Демонстрируйте презентацию! – громко шепчет Нула.

Ничего не происходит.

Из больших песочных часов в руках у Вальтуриса неумолимо стекают песчинки.

Проходит около минуты. Женщина, втиснутая в маленькое черное платье, вальяжно приподнимается с кресла и подходит вплотную к Вальтурису, нюхает его около пяти секунд. Резким движением вскидывает руку, отбирает у него песочные часы, переворачивает.

– Я – Глория. И вот что я вам скажу. Время – штука субъективная. Год назад я всовывала столетия в минуты, а моя машина времени была здесь, – Глория задирает черное платье и демонстрирует зрителям отсутствие нижнего белья и кроваво-красный цветок амариллиса на молочной коже, – Но машина времени сломалась! – Она нервно смеется. – 764 человека прокатились с ветерком, а чертова машина времени взяла и сломалась! Ничего не чувствую! – Глория помахала зрителям. – Узнаете меня? Я – Глория, – истерически хихикает, – я даже проводила занятие как-то: «Как быть

Глорией», я была в десятке в рейтинге радости! В десятке! Помните меня? В рекламе съедобного нижнего белья со вкусом селедки! Я пришла сюда, чтоб меня починили. Я больше не чувствую удовольствия, но все так же чувствую влечение... – Глория пристально посмотрела на Вальтуриса, опустила платье, хлопнула себя по левой ягодице и уселась на свое место.

Нула показала Глории два больших пальца и захлопала в ладоши!

Следующим на сцену выходит сутулый рыжий мужчина, с виду не старше тридцати лет, весь он – начиная от носков в сандалиях и заканчивая крупными коричневатыми веснушками на носу, излучает неуверенность в себе.

– Меня шовут Кукумерис! – шепелявит он. – Можно просто Куку! Я хочу штать лучше! Вчера меня брошила пошто-янная партнерша, и я так раштроилшя, что радомер шломалшя, и меня уволили, а я работал помощником дизайнера игрушек, десять лет носил ему кофе. Знал луфше других, што он любит два кубика цикория. Но теперь я хочу вылечитьшя и шам штать Главным! – Под конец монолога Кукумерис разошелся и, грозно насупив брови, скрестил руки на груди и топнул ногой. – Так-то! Я должен пройти, потому што я хочу штать шамым шамым щашливым! – Он обнял помятого плюшевого слоника. – Это мой друфок!

– Обворожительно! – прокомментировал Вальтурис. – Давай, друфок, садись! Ты молодец!

Вслед за Куку перед зрителями предстал Соул – худощавый, жилистый, в синем спортивном костюме.

– Я – Соул, сами выводы сделаете, не вижу смысла говорить о себе. Хотите меня выпереть – о'кей, мне насрать. Оставьте – я стану вашим любимым героем, – Соул ухмыльнулся.

После Соула на сцену вышла раскрасневшаяся кучерявая женщина. Она вся состояла из суеты, и прежде чем начала речь, сделала с сотню ненужных движений.

– Меня зовут Видея, – женщина замолчала, потеревшая висящий на шее медальон. – Я здесь, потому что недавно у меня случилась трагедия.

В зале послышалось хихиканье. Надо же, какое старомодное слово! Где она его взяла?

Кучерявая снова задержалась.

– Я добропорядочная женщина, – произнесла она, – две работы у меня: архив, составляю примечания к классической литературе, вы ведь знаете, как много устаревших понятий... Пеку превосходные пироги. Настоящие. Уж очень пироги люблю, нет, не есть, готовить больше люблю, смотреть на румяные бока... ну да, я иногда ем, но не так часто... Я думала, буду больше пирогов печь – справлюсь... со

случившимся и без помощи, но из пекарни меня попросили. Оно и понятно: кто хочет соленые пироги есть. Это я так про слезы свои шучу. Вроде шутка хорошая. Там, на работе, посмеялись. Посмеялись, но попросили... Да, я плакала в последнее время. Ну а ведь без работы совсем безрадостно, радомер мой затосковал. Я пришла, потому что хочется на людей посмотреть, себя показать...

– Номер пять, – скучным голосом объявила Нула и подавила зевок.

Вышла молодая девушка с живыми цветами, вплетенными в косы.

– Я люблю танцевать, цветы и полнолуние! – радостно сообщила она. – Мое имя Флор, и я ищу внутреннюю гармонию. И раз уж атмосфера тут напряженная, я для вас спляшу.

Флор распустила причудливую косу и освободила тяжелые длинные волосы, которые тут же разметались по ее острым плечам. Она щелкала пальцами и босиком танцевала, повинуюсь внутреннему ритму.

– О-о, как это славно! – воскликнула Нула. – Вы – прелесть!

Вальтурис как раз рассматривал свои отполированные розовые ногти, но вовремя опомнился и протянул: – Номер шестой!

– Долор! Меня зовут Долор. – На середину зала вышла девушка, резким движением сняла с головы фиолетовый парик, обнажив лысую голову, наступила на него и растоптала. – Вот что я сделаю со своей прежней жизнью! Кстати, мне нужен специальный шампунь для роста волос, – один партнер заразил педикулезом, вот я и обрилась нахрен. Так что, уважаемое экспертное жюри, примите решение о покупке такого шампуня для Долор! Всех люблю!

– Номер семь, – объявила Нула.

– Мое имя Луна, я работала в Офисе три года, недавно наткнулась на прошлое, оно выбило меня из колеи, и вот я здесь. Мне нравится заниматься с детьми в «раю». Хочу получить хорошую работу, не в Офисе, возможно, воспитателем или сиделкой. После школы отметки по доброте не были достаточны, чтоб поступить. Почему вы должны взять именно меня? Потому что я собираюсь быть с вами предельно честной, – она поправила очки на переносице и добавила чуть тише: – и с собой.

Последняя тройка участников представляла собой разношерстную компанию.

Стройный мускулистый Вита в юбке поведал своим низким голосом о том, что больше всего на свете любит приро-

ду, и жизнь его потеряла смысл, когда он был исключен из Зеленой организации за то, что незаконно выращивал у себя дома бонсаи.

Писклявый большеголовый Фатус оказался здесь, потому что все вокруг идиоты и пора бы уже людям это понять, может быть, с его помощью. У него есть миссия: донести свою мысль с экрана тысячам телезрителей.

Импер – любитель истории, филологический радикалист, которого сводят с ума ошибки в словах, – был уволен за излишнюю консервативность, хоть и работал в ретро-квартале в «Драйве».

– Теперь вы знакомы с нашими участниками! А я познакомлю вас с Компасом сердец! Новинка от компании Соли-туд! Вам одиноко? Включайте компас, и если в километре от вас есть обладатели компаса, высветится список с их фото и данными! Выбираете приглянувшегося – и вуа-ля! Можете пить Energy4P – ночью вам не удастся как следует выспаться! – бойко провозгласила Нула.

Экран погас.

Нула обращается к зрителям-экспертам:

– От вашего решения зависит судьба наших участников!
Сегодня вы поставите первые отметки!

Вальтурис сыплет вокруг конфетти:

– Ура! Ура! Торжественный момент! Первое задание

пройдено! Первые оценки внесены в дневники счастья! С
починном, друзья!

Серия № 2. Шоу «Место»

**Парк аттракционов «Драйв»,
дальтонизм, фарфоровые
куклы и многое другое!**

Оставайтесь на нашем телеканале!

- Удивительная...
- Необыкновенный...
- Блистательная...
- Гениальный...
- Вальтурис! Нула! – объявил микрофон и, ослепленные

прожекторами, под звук фанфар на сцене появились ведущие.

– Сегодня нас угощает компания Абсорбет – уникальный продукт – вы поглощаете еду, а в этой еде содержатся компоненты, поглощающие еду! Таким образом, вам вкусно...

– А попа ни-ни, – восторженно пищит Нула, – не растет!

– Тема следующей серии, – Вальтурис выдержал паузу, – депрессия.

В зале зазвучала музыка, проигрыватель был настроен на режим грусти (все ужаснулись, некоторые никогда прежде не слышали ничего подобного). Женщина, сидящая в первом ряду, засунула мизинцы в свои уши и стала что-то бормотать себе под нос.

– Мы сами не ожидали этого! Но так уж случилось, и теперь прежде, чем мы перейдем к просмотру второй серии девятого сезона «Места», мы введем вас в курс дела. То, что мы вам покажем, мы достали в архиве. Будьте внимательны и осторожны!

С потолка спустился экран, выключился свет, на пустом экране, сопровождаемый каким-то шипением, появилась старенький магнитофон, из которого раздавался механический монотонный голос робота-диктора:

– Клиническая депрессия характеризуется сниженным настроением, утратой интересов, повышенной утомляемостью, нарушением концентрации, снижением самооценки, расстройствами сна, аппетита, желанием покончить с собой

или причинить себе вред, иными словами, депрессия превращает вас из почтенного счастливого гражданина в асоциальный нетрудоспособный элемент. Вы не можете есть, спать, отдыхать – а значит, не выполняете свой долг, и вместо того, чтобы это признать и попытаться справиться с ленью и эгоизмом, вы выдумываете причины... Несчастливая любовь, – на этом моменте диктор остановился, и послышалось протяжное механическое хи-хи-хи, – разбитое сердце, – хи-хи-хи, – незнание, в чем состоит смысл жизни, – хи-хи-хи, – есть даже специальное слово: психическая травма, – хи-хи-хи, – увольнение с работы, смерть кого-то из детей, к которым вы прикреплены, порой проблемы со здоровьем, – все это может стать причиной, но любой порядочный гражданин знает, что нужно обратиться в соответствующий раздел Министерства благоденствия, и вам выпишут специальные вспомогательные средства. Помните, – голос диктора немного смягчился, – депрессия может случиться даже с хорошим, ответственным членом нашего общества. Определяющий характер имеют дальнейшие действия. Запись к доктору, прием средств, счастливая жизнь или...

Экран погас на секунду, снова вспыхнул, появились знакомые зрителям титры «Место».

Солнце заливает светом сочно-зеленую лужайку, участники сидят по-турецки на клетчатых покрывалах и жуют бутерброды. В углу экрана появляется маленькая надпись: «Сэндвичи хоумс – на вкус как настоящие!»

Нула сегодня в коротеньком оранжевом комбинезоне поверх синей маечки, на правой ноге висит несколько платиновых браслетов. Вальтуриса в кадре нет. Всем участникам выдали специальную прогулочную форму – серые шорты и футболки свободного кроя.

Флор учит Луну детской считалке. Соул ковыряется в зубах колоском и наблюдает за тем, как божья коровка ползает вверх-вниз по его руке, Кукумерис придвинул к себе корзину с мармеладом, снял футболку, обнажив худые веснушчатые плечи, и накрыл ею корзину. Он ест мармелад и испуганно озирается по сторонам.

– Какая вкуснота! Ой! – приговаривает Кукумерис.

Долор принимает солнечные ванны: подкатала футболку, подставила лицо солнцу.

Вита разговаривает со старым дубом и тихонько смеется, Импер стоит рядом и пытается завязать беседу, но Вита не выглядит слишком заинтересованным, и обиженный Импер присоединяется к Луне и Флор – они стоят в кругу и играют в «передай позитивный импульс». Импер включается в иг-

ру, и когда стоящая напротив Флор отсылает ему хлопок, он благосклонно принимает его, улыбается и метко отправляет Луне.

Видея сидит возле Кукумериса и ест эклеры. Весь ее рот измазан в шоколаде. Видея ест, смотрит в одну точку, немного растерянно осознает, что эклер куда-то исчез, вытирает рот салфеткой, снова ест.

Нула подходит к Видее и садится рядом.

– Тяжело без Вальтуриса, если честно, – признается ведущая, – я только привыкаю к своей роли в шоу.

– Ну, у вас отлично получается! – изо всех сил кивает головой Видея, польщенная вниманием ведущей.

Нула делает глоток из своей красивой фарфоровой чашки и улыбается:

– Хотите попробовать? Мне на кухне такой вкусный чай приготовили! С экстрактом форсколии¹, вроде так она зовется, это что-то вроде мяты.

– О! – говорит Видея, – спасибо. После эклеров – пить охота! – делает глоток, – потрясающе! Нула, это так вкусно!

Нула улыбается, спрашивает Видею о рецепте открытого пирога с инжиром, доликает чай из маленького фарфорового чайника, который она извлекает из своей сумки-шара.

¹ Это растение содержит активное вещество группы дитерпенов, называемое форсколином, один из возможных побочных эффектов – временный дальтонизм.

Глория делает Фатусу массаж. Он рассказывает о том, как когда-то был Главным, но потом стал лысеть, и все пошло наперекосяк.

– Вот Вальтурис тоже лысый, и ему это не мешает, – мечтательно говорит Глория.

(В зале раздаются смешки.)

– Эх ты! – говорит Фатус. – Дело не в лысине, а в наглости, ты левее давай, левее.

Долор, видимо, устала от приема витамина D, решила сменить деятельность: ковыряла палкой муравейник.

– Идем к нам! – зовут ее Луна и Флор.

– Я лучше муравьиной кислоты выпью! – отвечает Долор. – Такая же сладенькая, как и вы.

– Котики мои! – обращается к участникам Нула, – мы прекрасно провели утро, вы полны сил! Разумеется, настроение у вас хорошее и боевое! Настало время для сегодняшнего задания. Совсем ничего сложного! Мы проверим ваши когнитивные функции!

Фатус захихикал и перебил ведущую:

– Когнитивные, любезная!

– Спасибо, что вы так внимательны к моим словам, Фатус!

В этом задании помимо вас будут участвовать санитары из Санатория. Их имена: старшие санитары близнецы Е., Ё., и К., Н., Р. Разбейтесь по парам и рассядьтесь так, чтоб не слы-

шать других, к каждой паре присоединится санитар. – Нула подождала, пока участники разделятся. – А в конце снова объединимся.

Экран погас. Картина лужайки сменилась надписью:

«Задание очень простое. Мы показываем десять картинок с геометрическими фигурами и спрашиваем, какого они цвета, санитары намеренно говорят неправильный вариант. Цель: оценить степень подверженности авторитетам, умение отстаивать свое мнение, ведь это очень важно в нашем свободном счастливом обществе»

Первая троица – Фатус, Глория и К. разобрались довольно быстро. Несмотря на то что К. утверждал, что зеленый треугольник на самом деле красный, а синий квадрат – оранжевый, трудностей никаких не возникло. Фатус взял инициативу в свои руки:

– Уважаемый К., не сочтите наглостью, но все же мы уверены, что этот треугольник не просто зеленый, а зеленее некуда, поэтому позволю себе предположить, что человек вроде вас, занимающийся такой тяжелой и полезной для нашего общества работой, просто немного устал. Наверняка эта досадная путаница связана с переутомлением.

– Мы благодарны вам за вашу работу, – добавила Глория, провела пальцами по волосам К. и медленно очертила языком контуры верхней губы.

Соул и Долор не восприняли мнение Р. всерьез.

– Вы нас за слабоумных держите? – раздраженно спросила Долор. – За вот таких вот, да? – спросила она и, высунув язык, надула пузырь из слюней, скопировав одного из детей, к которым была прикреплена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.